

November 26-27, 2013

Международная конференция
International conference

Between labour and leisure: towards a «new economy of salvation»?

МЕЖДУ ТРУДОМ И ДОСУГОМ: К НОВОЙ «ЭКОНОМИИ СПАСЕНИЯ»?
ENTRE TRAVAIL ET LOISIR : VERS UNE NOUVELLE «ÉCONOMIE DU SALUT» ?

Конференция организована силами научно-учебной группы «Труд, знание и досуг в постиндустриальном обществе» в рамках проекта НИУ ВШЭ «Когнитивный капитализм через призму культурных практик и дискурсов (сравнительный подход)» (номер гранта: 13-05-0013)

Состав НУГа:

Михаил Маяцкий (руководитель проекта), Татьяна Бакина, Елизавета Березина, Алина Волынская, Анна Григорьева, Мария Мирская, Александр Михайлов, Ева Рапопорт, Мария Рикитянская, Вера Ройтер, Александр Сувалко, Александра Талавер, Анастасия Фильчева, Арсений Хитров.

The conference is organized by the research group «Labour, knowledge and leisure in postindustrial societies» as part of the HSE supported project 'Cognitive capitalism through the prism of cultural practices and discourses (comparative approach)' (project number 13-05-0013).

Group's staff:

Misha Maiatsky (chief of the project), Tanya Bakina, Liza Berezina, Nastya Filcheva, Anna Grigoryeva, Sam Khitrov, Sasha Mikhailov, Maria Mirskaya, Eva Rapoport, Maria Rikityanskaya, Vera Roiter, Alex Suvalko, Sasha Talaver, Alina Volynskaya.

Между трудом и досугом: к новой «экономии спасения»?

Международная конференция

Отделение культурологии факультета философии НИУ ВШЭ

Научно-учебная группа «Труд, знание и досуг в постиндустриальном обществе» при поддержке Франко-российского центра гуманитарных и общественных наук в Москве

Кризис промышленного капитализма и фордизма-тейлоризма не означал «конца труда», но возвестил его глубокие преобразования. Производство вырвалось за пределы фабричных стен. Граница между рабочим и свободным временем стала расплывчатой и проницаемой. До недавних пор иудео-христианская цивилизация видела залог искупления и избавления именно в труде. Теперь же работы становится мало да «и та совсем не та». Типичной стала ситуация не пролетария, а прекария. Какой сценарий «экономии спасения» может предложить ему общество? Сможет ли цивилизация строиться на фундаменте уже не труда, но досуга? Особую амбивалентность обретает свободное время – время преодоления отчуждения и, вместе с тем, время потребления, сфера инвестиций мощных «индустрий досуга». Не становится ли оно по-своему продуктивным, а заодно и новым источником отчуждения? Как это влияет на конструирование субъективности? Как истолковывать новые феномены – сетевую солидарность, постоянное виртуальное взаимодействие, требования «пособия на существование», альтернативные экономические и экологические микропроекты? Как маргинальные забавы или же как основу завтрашнего полиса и ойкоса? Политики на Западе регулярно обещают «реиндустриализацию», а в России – поворот от сырьевой к высокотехнологичной экономике. А какое будущее – в России и в мире – показывает барометр культурных практик?

Between Labour and Leisure: Towards a New “Economy of Salvation”?

Department of Cultural Studies, Faculty of Philosophy, HSE, Moscow
Research Group ‘Labour, Knowledge and Leisure in Postindustrial Society’
Franco-Russian Centre of social and human sciences in Moscow

Though the crisis of industrial capitalism and Fordism-Taylorism did not necessarily signify «the end of labour», it still marked its profound transformation. Above all, it affected the space–time characteristics of production: the space of labour went beyond the walls of factories. The boundary between working time and leisure time became blurred. In modernity, labour was considered a guarantee of redemption. This raises the question of what scenario of the “Economy of Salvation” can society offer to the proletariat, now replaced by the precariat, in a context of fewer and modified jobs. The ambivalence of leisure time now means that it is beneficial both for the worker and for leisure industries. During leisure time, the worker not only rests and recuperates, but also perfects existing skills and gains new ones, develops his/her social networks, indulges in his/her hobbies and passions. In other words, even being emancipated from work, the person can continue to form his/her own subjectivity, becoming potentially more valuable for the labour market. Thus we can see that leisure time itself can turn out to be productive. Global changes in the nature of labour and leisure have caused deep social metamorphosis in Russia by way of political regime change. In this “new world”, former civil, economic and professional identities yield to stratification by habitus – everyday, consumer and cultural practices. However, will humanity be able to continue its development on the basis of leisure, not labour? Could network solidarity potentially be nourished by some kind of “livelihood allowance” or by alternative economic and ecological micro-projects, and thus be considered simply as a marginal pastime or the basis of tomorrow’s polis and oikos? Western politicians regularly promise re-industrialization, while their Russian colleagues argue for the turn from raw-material to high-tech economics. What future does the barometer of cultural practices show?

Entre travail et loisir : vers une nouvelle « économie du salut » ?

Colloque international

Le département des études culturelles (Faculté de philosophie)

École des Hautes Études en Sciences Économiques (HSE), Russie, Moscou

Groupe de recherche « Travail, connaissance et loisirs dans la société postindustrielle » avec le précieux soutien du Centre franco-russe de recherche en sciences humaines et sociales de Moscou

La crise du capitalisme industriel et du système tayloriste-fordiste ne préfigure pas « la fin du travail », mais sa mutation profonde. Celle-ci concerne avant tout les coordonnées spatio-temporelles de l'acte productif : les espaces de la production dépassent les murs des usines, la frontière entre temps du travail et temps libre devient floue et poreuse. Jusqu'ici la société judéo-chrétienne voyait dans le travail le gage de l'expiation et de la rédemption. Quel scénario de l'« économie du salut » la société du travail raréfié et profondément métamorphosé peut-elle proposer à un prolétariat muté en précaire ? Loin de servir exclusivement à la récréation, le temps libre pourrait permettre d'amplifier ses connaissances, de développer son réseau social, de s'adonner à une passion, bref, d'œuvrer pour son émancipation du travail, ou alors de construire sa subjectivité pour éventuellement mieux la « revendre » sur le marché du travail ! Par multiples biais, le temps libre devient un temps productif. Suite à la rupture politique radicale intervenue au seuil des années 1980-1990, ces changements sont accompagnés, en Russie, par des métamorphoses identitaires : en effet, de plus en plus, les identités civiques, économiques et professionnelles de jadis cèdent la place à une stratification selon les habitus : pratiques comportementales, consommatrices et culturelles. Cependant, une civilisation peut-elle reposer sur les loisirs ? sur la solidarité réticulaire et la connectivité permanente ? sur une coopération de micro-projets ? sur une auto-réalisation à partir du « revenu d'existence » ? Les pratiques culturelles et micro-politiques corroborent-elles les promesses politiciennes régulières de « reprise » et, en Russie, de retour à une économie basée sur la haute technologie ?

1st panel

Приключения времени

Adventures of Time

- 10:00** **Михаил Маяцкий.** К понятию отчужденного досуга: открытие конференции и введение в проблематику (Michail Maiatsky. On the concept of alienated leisure: opening of the conference and introduction to its topic)
- 10:20** **Jean Viard.** Vie longue et travail court, la grande métamorphose // Long life and short work, a huge transformation (Жан Виар. Долгая жизнь, короткий труд, великая метаморфоза)
- 10:50** **Jill Ebrey.** The Weekend – Leisure or... Labour? (Джил Эбри. Выходные – досуг или... труд?)
- 11:20** **Coffee-break**

11:40 Antonella Corsani. Désorientations temporelles et colonisation du temps hors travail // Temporal desorientations and colonization of out-of-work time (Антонелла Корсани. Хрон(олог)ическая дезориентация и колонизация нерабочего времени)

12:10 Надежда Галиева, Анна Ипатова, Дмитрий Рогозин. Либеральные установки на труд и знания в зрелом возрасте (Nadezhda Galieva, Anna Ipatova, Dmitry Rogozin. Liberal attitudes on labour and knowledge in mature age)

12:30 Mateja Habinc. Holidays In the Era of Leisure: a Slovenian case-study (Матей Хабинц. Праздники в эпоху досуга: случай Словении)

12:30- Вопросы и дискуссия / Questions and discussion

13.30

2nd panel

(Не)занятость, (бес)платность
(in)Occupation, (un)Paid Work

15:00 **Angela McRobbie.** Fashion Start Ups, Young Womens Employment, New Social Enterprise? (per skype) (Анджела МакРоби. Старт-апы в моде, женская занятость, новое социальное предприятие?)

15:30 **Payal Arora.** The Leisure Factory: Production in the Digital Age (Паяль Арора. Фабрика досуга: производство в цифровую эру)

16:00 **Галина Евстифеева.** Неоплачиваемый труд и судьба «массового общества» в эпоху позднего модерна (Galina Evstifeeva. Unpaid work and the destiny of «mass society» in late Modernity)

16:25 **Coffee-break**

16:45 **Елизавета Березина.** Между профессионализмом и любительством: случай вернисажной живописи (Elizaveta Berezina. Between professionalism and amateurism: the case of amateur painters)

17:05 **Мария Рикитянская.** Отдыхать в поте лица? Молодежный дискурс о дачах в постсоветской России. (Maria Rikityanskaya. To take rest by the sweat of one's brow? Youth's Narratives about Dacha in post-Soviet Russia)

17:25 **Алексей Попов.** Номадические предметы как орудия труда-быта-досуга: трансформации мобильной «вещности» (Alexey Popov. Nomadic objects as tools of work-life-leisure: transformation of the mobile «thingness»)

17:50 – **Вопросы и дискуссия / Questions and discussion**

18.20

3rd panel

Потребление и субъективность Consumption and Subjectivity

- 10:00** **Nello Barile.** Branding the self in the age of emotional capitalism. The exploitation of prosumers from the rhetoric of "double bind" to the hegemony of confession (Нелло Бариле. Брендингование я в эпоху эмоционального капитализма. Эксплуатация «просьюмеров» от риторики double-bind к гегемонии исповеди)
- 10:30** **Вячеслав Комбаров.** От отчужденного труда к отчужденному потреблению: гибридизация типов социального спектакля и гипо-субъектность человека труда (Vyacheslav Kombarov. From alienated labour to alienated consumption: hybridization of types of the social spectacle and hypo-subjectivity of working man)
- 10:55** **Инна Кушнарева.** От производства субъективности через труд к производству субъективности через долг и кредит (Irina Kushnareva. From production of subjectivity through work to production of subjectivity through debt and credit)

11:20 **Coffee-break**

11:40 **Durren Nixon.** Yearning to Labour: Low-skilled Men and 'Neo-Liberal Selfhood' in the 'Cultural Economy' (Даррен Никсон. Жажда работы: низкоквалифицированные кадры и «неолиберальная субъективность» в «культурной экономике»)

12:10 **Александр Сувалко.** Может ли культура сделать из моно- стереогород? Случай г. Сатка Челябинской области (Alexander Suvalko. Can a single-industry town be transformed through culture into a double-industry town? A case of Satka, Chelyabinsk oblast)

12:30 – **Вопросы и дискуссия / Questions and discussion**

12.50

4th panel

Потребление, удовольствие,
статус

Consumption, Pleasure, Status

14:30 **Manola Antonioli.** Le stade esthétique de la production / consommation // Aesthetic stage of production / consumption (Манола Антониоли. Эстетическая стадия производства / потребления)

15:00 **Анна Григорьева.** Протест как досуг? Дискурсы сопротивления (нео)либерального городского протеста (Anna Grigorieva. Protest as leisure? On resistance discourses of the (neo)liberal urban protest)

15:20 **Stefano Pelaggi.** Gaze on pleasure: leisure as a key factor in youth mobility and the brain drain. A case history on Russians students in Rome (Стефано Пеладжи. Взгляд на удовольствие: досуг как ключевой фактор молодежной мобильности и утечка мозгов. Кейс русских студентов в Риме)

15:50 Coffee-break

16:10 Алина Волынская. Пейзажи разрухи: эстетизация промышленного упадка (Alina Volynskaya. Landscape of ruin: towards aestheticization of industrial decay)

16:30 Анна Зудина. Формальные и неформальные работники на российском рынке труда: сравнительный анализ самооценок социального статуса (Anna Zudina. Formal and informal workers on the Russian labour market: comparative analysis of subjective social status)

16:50 Зинаида Васильева. «У меня каждый раз хобби перерастает в профессию...»: самодеятельность в 1980-2000 годы (Zinaida Vasilieva. «My hobby transforms itself always in a profession...»: "self-activity" in 1980s-2000s)

17:15 – Вопросы и заключительная дискуссия / Questions and final discussion
18.00

Тезисы

Summaries

Résumés

1st panel

Приключения времени

Adventures of Time

Михаил Маяцкий. К понятию отчужденного досуга: открытие конференции и введение в проблематику

Понятие отчуждения восходит не столько к Марксу, сколько через Фейербаха и Гегеля к Лютеру и к теологическому измерению экзистенции (отсюда богословская отсылка к «экономии спасения» в названии нашей конференции). Изначально 'отчуждение' относилось к имуществу и его изъятию. В протестантской, преимущественно лютеранской, мысли *Entfremdung* означало отпадение от Бога, богооставленность и ее острое переживание. От этой покинутости Богом, прямого следствия первородного греха, мог излечить (=спасти) только труд (а не молитва). Эмансипация стала двойственным процессом освобождения от труда и греха/Бога. Если Фейербах перевернул гегелевскую схему отчуждения, то Маркс внес в нее новый элемент – Капитал, который питается человеческим трудом и создаваемой им прибавочной стоимостью. Что касается исторического горизонта ожидания, то им стал Конец Труда в надежде на пришествие Свободной Деятельности (которую еще предстояло определить, или которую как раз и невозможно было определить раз и навсегда). Но свободная деятельность вовсе не осталась вне досягаемости капитала. Функционирование

позднего капитализма трансформировалось от парадигмы принуждения к парадигме соблазнения, что означало колоссальное расширение поля приложения капитала и его массивную инвестицию в свободное время, доля которого в общем бюджете времени стала расти. Свободное время оказалось связанным с капиталом двояко: как производитель ценностей (наука, высокая технология...) и как либидинальный двигатель, через потребление стимулирующий производство удовольствия и желания. Модерн был полон радужных надежд относительно свободного времени в сочетании с правами человека и технологией. Действительность оказалась разочаровывающей. Упреками в принуждении к пассивности встречалось каждое новое медиа: от кино до телевидения и раннего «интер-пассивного» интернета. Веб 2.0 поставил новые вопросы и открыл новые перспективы, позитивные и негативные (контроль, аддикция и пр.). Недавнее эссе Давида Грэбера анализирует феномен бессмысленной работы, а также впадение в предмодерновую пористость и взаимопроникновение труда и досуга в современной организации труда. Кажется, что подобно «естественному» пределу в увеличении рабочего дня, существует и «естественный» предел в его сокращении. Теоретически возможно перестроить всё общественное производство на основе 3-4-часового рабочего дня. Но фактически (особенно если взять модные профессии) рабочий день увеличивается, а досуг проникает во все его поры. Во время рабочего дня закачивается и слушается музыка и даже смотрятся фильмы и, главным образом, происходит постоянная коммуникация через растущее число каналов: интерконнективность стала новым «otium для народа». Бессмысленная работа, никчемный досуг – предустановленная гармония? Вопрос (провокационный) представляется насущным, поскольку качество досуга сегодня рассматривается как (не менее, а более, чем работа) важный фактор самооценки и индивидуальной идентичности.

Bramham P. & Wagg S., eds. (2011) The new politics of leisure and pleasure. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Clarke, J. & Critcher, Ch. (1985) The devil makes work: leisure in capitalist Britain. London: Macmillan.

Graeber, D. (2013) On the Phenomenon of Bullshit Jobs. Strike! August 17, 2013.

Viard, J. (2006) Éloge de la mobilité, essai sur le capital temps libre et la valeur travail. La Tour d'Aigues: L'Aube.

Michail Maiatsky. On the concept of alienated leisure: opening of the conference and introduction to its topic

The concept of «alienation» traces back not as much to Marx, but – via Feuerbach and Hegel – to Luther and to the theological dimension of existence (hence a theological reference to «economy of salvation» in the title of the conference). Initially, 'alienation' referred to property and its forfeit, deprivation. In Protestant thought, mostly in Luther, it meant (a feeling or experience of) being abandoned by God. This abandon, the direct consequence of the Original Sin, could be healed only by work instead of prey. The emancipation came as process of liberation from a double bondage – that of work and that of God/sin. Feuerbach's reading of Hegel only reversed the Hegel's scheme of alienation, whereas Marx inserted one more element in it: the Capital that is nourished with human labour and the surplus value it creates. As for historical horizon of expectation, it is the End of Work awaiting the advent of Free Activity, still to be defined. But free activity did not remain out of reach of the capital. The functioning of late capitalism turned from constraint model to seduction model, and it implied a huge enlargement of the field of the capital and its massive investment in the growing time-span left from the shrinking working time. Free time is thus connected to the capital in a dual way: as a producer of values (science, high technology...) and a libidinal motor stimulating, via consumption, the industry of pleasure and desire. The Moderns were full of hope for free time combined with emancipation, human rights and technology. The reality has been disappointing. A criticism of passivity attacked each new media – from cinema through radio and TV to early 'inter-passive' Internet. The development of Web 2.0 posed new questions and opened new horizons, both in human prosperity and in human misery (control, addiction, etc.). A recent essay by D. Graeber examines the phenomenon of «bullshit job» and the relapse into premodern mutual porosity of work and leisure, in the actual organization of work. As it was once a «natural» limit to the extension of the working day, there is a «natural» limit to its reduction. It *could* be possible to organize work in society to make everybody work 3 to 4 hours a day, but in fact (if we take professions en vogue), the working day is growing, whilst leisure is inserted in every interstice of it: downloading and listening music or even watching films, and constant communication with a growing number of people (interconnectivity as new «otium for people»). Nonsense work, worthless leisure – *harmonia praestabilita*? The question seems urgent, since quality of leisure is considered as a (not less, but more important than work) factor of self-esteem and individual identity.

Jean Viard. Vie longue et travail court, la grande métamorphose

Au-delà de la crise qui nous déstabilise, jamais la société n'a changé aussi vite. Pour le comprendre, il faut analyser à la fois le recul de nos grandes appartenances de classes et de nations, le rôle nouveau de l'art de vivre, du bonheur privé, des habitus et des identités. Comprendre notre culture de mobilité, le réchauffement climatique, la place nouvelle du travail (et des loisirs), la pression d'un monde en permanence co-informé et le développement extraordinaire d'une société collaborative, liée par des réseaux tous les jours plus nombreux. Oui : la planète s'unifie, la terre chauffe, la société se morcelle... mais internet nous relie. Comment alors penser les formes politiques de cette société et de ce monde-là ? Comment penser cet individu devenu plus tribalo-familial que social ? De quelle manière réinventer du récit politique ? Quel rapport y a-t-il entre le rôle du temps libre, les nouvelles manières de se penser ensemble faire de la politique et les nouveaux modes d'appropriation des territoires (région, campagne, nation...) ? Autrement dit si les classes et les nations structurent moins comment faire groupe, rapport de force, projet commun autre que la peur ? Ma réflexion actuelle prolonge des recherches sur ces problématiques que j'ai entamées il y a plus de trente ans (Viard, 1984, 1998, 2000, 2002, 2003, 2006).

Viard, J. (1984) Penser les vacances. Arles: Actes Sud.

Viard, J., éd. (1998) Réinventer les vacances. La Documentation Française.

Viard, J. (2000) Court traité sur les vacances, les voyages et l'hospitalité des lieux. La Tour d'Aigues: L'Aube.

Viard, J., éd. (2002) La France des temps libres et des vacances. La Tour d'Aigues: L'Aube.

Viard, J. (2002) Le sacre du temps libre, la société des 35 heures. La Tour d'Aigues: L'Aube.

Viard, J. et al. (2003) Repenser les temps. La Tour d'Aigues: L'Aube.

Viard, J. (2006) Éloge de la mobilité, essai sur le capital temps libre et la valeur travail. La Tour d'Aigues: L'Aube.

Жан Виар. Долгая жизнь, короткий труд, великая метаморфоза

Даже абстрагируясь от кризиса, дестабилизировавшего нашу жизнь, никогда еще общество не претерпевало таких быстрых перемен. Чтобы их понять, необходимо проанализировать и ослабление старых типов идентификации (класс, нация), и новую роль «искусства жить», приватного счастья, новых габитусов и идентичностей. Следует разобраться, как связаны и переплетены культура мобильности, климатические сдвиги, меняющееся место труда (и досуга), давление мира, в котором правилом стало постоянное производство и потребление информации, невероятное развитие коллаборативных практик, связь через растущее с каждым днем число каналов. Да, планета становится единообразней, атмосфера нагревается, общество дробится... но нас всё больше связывает интернет. Как помыслить политические формы этого общества и этого мира? Как понять современного индивида, ставшего более семейно-клановым, чем социальным? Как заново придумать политический нарратив? Есть ли связь (и если да, то какая) между растущей ролью свободного времени, новыми подходами к политике и новыми способами освоения территории (регион, сельская местность, страна...)? Иначе говоря, если классы и нации стали в меньшей степени структурировать группы, какой совместный проект (если не считать «страха») может их заменить? Ответы на поставленные вопросы могут быть даны с опорой на исследования, проводившиеся на протяжении последних тридцати лет (Viard, 1984, 1998, 2000, 2002, 2003, 2006).

Jean Viard. Long life and short work, a huge transformation

In order to understand longer life expectancies and different career tracks people experience in the quickly changing modern world, we must first analyze how older identity sources, such as class and nation, are weakening. The new role of private happiness and lifestyles is forming new identity types and new habitudes. We must thus analyze the relationships between culture of mobility, climate change, changing career and leisure patterns, new pressures of production, increasing information consumption, collaboration between people, and increasingly varied modes of communication, the role of the internet. These processes merit the questions of how we can formulate the political forms of today's society and how we can understand modern human beings. We must also ask how new political narratives emerge and whether there is a link between these narratives, new understandings of territory (region, country, nation), and the growing importance of leisure time. Thus, this paper asks the research question of what is replacing the categories of «class» and «nation» as a new source of identity in the modern world. I will try to deal with these problems basing on my previous works (Viard, 1984, 1998, 2000, 2002, 2003, 2006).

Jill Ebrey. The Weekend – Leisure or... Labour?

The industrial revolution in the UK produced a rationalization of time, eradicating many traditional fairs and festivals, in favour of a 'predictable' rhythm of 'work time' and 'leisure time'. This temporal regime was further strengthened in the twentieth century compromise between labour and capital which acknowledged that 'social time' could be written into working contracts associated with paid labour outside of the home, (for example, in the extra payment for 'unsocial hours'). This 'social time' was epitomised in 'the weekend', but was also recognised, for example, in the acknowledgement that summer holidays were an important part of the annual social calendar. The weekend thus became a pivotal two-day 'holiday' at the end of the five-day working week, which has since become understood as a 'semi-autonomous' time space. (Though this experience of the weekend may well be gendered, classed, raced and aged). Neo liberalism, with its emphasis on flexible accumulation, has to some extent flexibilised the week and weekend, making them less of a given (if they ever were, particularly for women). Indeed, what might be the implications of the loss of the weekend to our well being and indeed to the polis? How can we conduct and on what terrain, 'the struggle for every atom of time'?

Dorre K. (2011) Capitalism, Landnahme and Social Time Regimes: An Outline. Time and Society 20:1.

Джил Эбри. Выходные – досуг или... труд?

Индустриальная революция в Великобритании привела к рационализации времени, покончившей с традиционными ярмарками и праздниками в угоду «предсказуемому» ритму «рабочего времени» и «досуга». Этот режим времени был закреплен компромиссом труда и капитала в XX веке за счет включения в трудовые контракты «социального времени» (social time), связанного с оплачиваемым трудом вне дома (например, в дополнительных выплатах за «несоциальное время»).

Это «социальное время» получило свое воплощение в «выходных», но, например, и летний отпуск был признан значимой частью ежегодного социального календаря.

Выходные, таким образом, оказались базовым двухдневным «праздником» в конце пятидневной рабочей недели, но они стали восприниматься как «полуавтономное» время (хотя опыт выходных тоже может различаться в зависимости от гендера, класса, расы и возраста). Неолиберализм с его акцентом на гибкости сказался на подвижности рабочей недели и выходных, сделав их меньше (если они когда-нибудь существовали, в частности у женщин). Какими могут быть последствия утраты выходных для индивида и полиса? Чем мы можем руководствоваться и на что положиться в «борьбе за каждый атом времени»?

Antonella Corsani. Désorientations temporelles et colonisation du temps hors travail

Au début du 20ème siècle, le sociologue allemand Emil Lederer (1918) a été parmi les premiers à saisir un véritable changement d'époque, dû au passage de la condition d'indépendant à la condition de salarié. Sa recherche portait sur les conséquences anthropologiques de ce changement : l'une des différences majeures entre la « mentalité » de l'indépendant et du salarié tient, selon Lederer, aux régimes temporels et à la perception des temps de l'existence. Bien plus tard, dès la fin des années 40 les travaux de Georges Friedmann (1949, 1950, 1956) marquent la naissance de la sociologie du travail en France. Dans la perspective de Friedmann, qui a mené des enquêtes sur la rationalisation du travail, à l'Ouest comme à l'Est, sur le taylorisme comme sur le stakhanovisme, le temps de travail et le temps libéré du travail sont intimement liés : le temps des loisirs est un temps d'évasion auquel le travailleur aspire pour compenser l'insatisfaction que procure le « travail en miettes ». Notre hypothèse est que nous sommes face à un changement d'époque de même ampleur que celui du début du 20ème siècle, avec le passage de la condition de salarié à la condition de self-employed ou « entrepreneur de soi », le passage aussi du « travail en miettes » à l' « emploi en miettes ». Le changement anthropologique est d'ampleur, il concerne aussi bien les régimes temporels que la perception des temps de l'existence. Nous analyserons deux aspects majeurs de ce changement anthropologique : la désorientation temporelle et la colonisation du temps hors travail. La désorientation temporelle tient à la perte de l'horizon temporel au sein duquel inscrire son existence. La colonisation du temps hors travail tient à l'investissement de tous les temps dans la « production de soi » au sens de André Gorz. Il s'en suit l'impossibilité de réserver un temps pour soi, condition de l'écologie temporelle telle qu'elle est envisagée par William Grossin (1996). Comment interpréter ce changement anthropologique ? Deux pistes seront envisagées en conclusion. Une première est inspirée par la réflexion de M. Foucault (1978-79) sur la « naissance de la biopolitique ».

Dans cette perspective, le contrôle du temps ne passerait plus par les technologies disciplinaires mais par des technologies de gouvernement néolibéral dont le but n'est pas tant le triomphe du marché que la soumission de toute forme sociale à l'éthos managérial. Une autre piste s'inspire des réflexions de Hartmut Rosa (2005) : la perception des temps de l'existence résulterait d'un processus global d'accélération sociale, au cours duquel le projet de la modernité se retourne contre lui-même. La peur fondamentale qui hante les individus dans nos sociétés de la

modernité tardive, est la peur de manquer des opportunités ou des connexions décisives. L'organisation du temps libre lui-même y est subordonnée. La sémantique du temps libre est alors communément imprégnée d'un vocabulaire où prédominent le devoir et l'obligation : il faudrait que je fasse du sport, je dois lire les journaux, etc.

Friedmann, G. (1949) Industrie, loisirs, démocratie. Revue française du travail. 5/6.

Friedmann, G. (1950) Où va le travail humain? Paris: Gallimard.

Friedmann, G. (1956) Le Travail en miettes: Spécialisation et loisirs. Paris: Gallimard.

*Lederer, E. (1918) Die Veränderungen im Klassenaufbau während des Krieges,
in: Id.*

*Kapitalismus, Klassenstruktur und Probleme der Demokratie in Deutschland 1910-1940.
Ausgewählte Aufsätze. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1979.*

*Grossin, W. (1996) Pour une science des temps: introduction à l'écologie temporelle.
Toulouse : Octarès.*

*Foucault, M. (1978-79) Naissance de la biopolitique. Cours au Collège de France
(1978-1979). Paris: Gallimard, Seuil.*

*Rosa, H. (2005) Beschleunigung: die Veränderung der Zeitstrukturen in der Moderne.
Fr.a.M.: Suhrkamp.*

Антонелла Корсани. Хрон(олог)ическая дезориентация и колонизация нерабочего времени

В начале XX века немецкий социолог Эмиль Ледерер (Lederer, 1918) одним из первых осознал масштабный переворот, связанный с переходом от независимого положения работника к наемному труду. Важнейшим антропологическим последствием этого изменения, согласно Ледереру, стала перемена нталности, обусловленная изменением хронопорядка и восприятия разных типов времени экзистенции. Много позже Жорж Фридман (Friedmann, 1949, 1950, 1956) своими исследованиями рационализации труда на Западе и Востоке, тейлоризма, стахановского движения и т.д. заложил основы социологии труда во Франции. С его точки зрения, рабочее и свободное от работы время тесно связаны: свободное время является своеобразным бегством (отвлечением), которым работник стремится компенсировать неудовлетворенность, которую он испытывает от «расщепленного труда» (travail en miettes). Можно утверждать, что в

данный момент мы стоим перед эпохальной переменной того же масштаба, что и в начале XX века: превращением наемного работника в само-предпринимателя (auto-entrepreneur, self-employer, self-entrepreneur), переходом от расщепленного труда к расщепленной занятости. И так же, как в начале XX века, происходит антропологическая трансформация, касающаяся темпоральной структуры, а также восприятия хронологического аспекта жизни. Предполагается проанализировать два основных аспекта этого антропологического изменения: дезориентацию во времени и «колонизацию» нерабочего времени. Дезориентация во времени связана с потерей темпорального горизонта, в который вписывается человеческое существование. Колонизация нерабочего времени осуществляется через инвестирование всех типов времени в «производство самости» (production de soi), как его понимал Андре Горц. Из этого следует невозможность сохранить время для себя, что является условием темпоральной экологии, обрисованной предусмотренной Уильямом Гроссином (Grossin, 1996). Как понять эти антропологические изменения?

Стоит рассмотреть два способа их истолкования. Первый связан с размышлением Мишеля Фуко в «Рождении биополитики» (Foucault, 1978-79). В рамках данного подхода, управление временем опосредуется не дисциплинарными технологиями, а технологиями неолиберального управления, целью которого является не столько триумф рынка, сколько подчинение любой социальной формы управленческому этосу. Другой способ обусловлен размышлениями Хартмута Розы: восприятие жизненного времени привело к глобальному процессу социального ускорения, в ходе которого проект модернизации обернулся против самого себя (Rosa, 2005). Людей в наших обществах позднего модерна преследует панический страх упустить возможности или важные контакты. Организация свободного времени также оказывается подчиненной этому базисному страху. Семантика свободного времени всё более насыщается лексикой с преобладанием понятий долга и обязанности: мне следовало бы заниматься спортом, я должен читать газеты и т. д.

Надежда Галиева, Анна Ипатова, Дмитрий Рогозин. Либеральные установки на труд и знания в зрелом возрасте

Широко распространено мнение, что с возрастом люди все менее способны к получению образования, они плохо учатся, многое забывают, не имеют ни мотивации, ни склонности к поиску чего-то нового. Как правило, такого рода утверждения можно услышать от работодателей в частных беседах. Публично об этом высказываться не принято, но это не меняет ситуации с трудностью в трудоустройстве старших возрастных групп. В пенсионном возрасте найти работу по специальности практически невозможно. Люди с высшим образованием, с подготовкой в каких-либо высоко-технологических специальностях вынуждены работать на низкоквалифицированных позициях: сиделками, нянями, сторожами и т. д. Другими словами, от старшего поколения ничего не ждут. Но так ли смотрят на это сами пожилые? Насколько распространены среди них представления о собственной неспособности к обучению, к работе на прежних позициях? Как они смотрят на своё текущее положение и что думают о своих одногодках? Насколько однородно старшее поколение? Кто из них отчаялся, а кто продолжает жить активной жизнью? Для ответов на эти вопросы в мае 2012 года Центр методологии федеративных исследований РАНХиГС совместно с Фондом Тимченко провел опрос в Ивановской области людей старшего возраста (50+). По результатам этого исследования была разработана типология отношения к образованию. Опрос повторили на общероссийской выборке в апреле 2013 года, что позволило уже говорить о ситуации в стране. Мы обнаружили, что люди старшего возраста куда более оптимистично смотрят на свою жизнь и обладают большим потенциалом, который не замечается младшими поколениями. Любопытно, что данные по России в целом оказались более позитивными, нежели по Ивановской области. Однако общий тренд снижения уверенности в себе с возрастом сохранился. Люди старше семидесяти, за редким исключением, уже не думают об образовании. И проблема состоит не в их неспособности к этому, а в расхожих стереотипах, отказывающих старикам в обучении.

Nadezhda Galieva, Anna Ipatova, Dmitry Rogozin. Liberal attitudes on labor and knowledge in mature age

There is a widespread opinion that with age people become less capable of studying and acquiring new knowledge, they forget a lot and are not motivated to find something new. Usually a statement of this kind one can be heard from employers in private conversations; It is not considered respectable to express such an opinion in public. However, this fact does not change the situation with employment difficulties in old age. It is practically impossible to find work on retirement. Those who have higher education or training in some high-tech applications are forced to work at less qualified positions, for instance as care-givers, watchmen, babysitters etc. In other words, it seems that society expects very little from the older generation. But do people in older age have the same point of view? To what extent is the image of inability to study and work widespread among older people in precarious job situations? How do they perceive their current condition and what do they think about their peers? To what extent is the older generation homogeneous? Who and under what circumstances is filled with despair and who continues to engage in active lifestyles? In order to answer these questions the Centre for Federative Research Methodology (RANEPa) and the Timtchenko Foundation conducted a survey on older adults (aged 50 years and up) in the Ivanovo Region in May 2012. Based on results of this survey, a typology of educational statuses was set up. This survey was repeated in the all-Russia survey in April 2013 which made it possible to speak about the situation in the country. We found out that people in old age have a more optimistic view on their life and have greater potential, which is not always seen by younger generations. Curiously, the all-Russia results are more positive than the results for the Ivanovo Region. Nevertheless, the general trend for the decrease of self-confidence with age remains. People aged over 70 with some minor exceptions do not think about education. Moreover, the problem is not in their incapability to study, but mainly in the common stereotype of denying older people access to education.

Mateja Habinc. Holidays in the Era of Leisure: a Slovenian case-study

In the time of cognitive capitalism, when boundaries between work and leisure are blurred and people are constantly working, some European countries facing the economic crisis at least tried to reduce a number of their work-free holidays. Portugal has thus in 2012 erased two religious as well as two state non-working holidays, while in Italy it was already a year earlier suggested that celebrations of state holidays should be moved from working-days to the following Sundays. Similar measures were proposed in some post-socialist countries, for example in Slovakia, Croatia and Slovenia, the last one being a case-study presented in the paper. Two state holidays, the 2nd of January and the 2nd of May as the extensions of the New Year's Day and the Labour day were supposed to be eliminated in Slovenia. They were the acquisitions of the previous socialist system, a "socialist heritage" upon which most of the public responses to their proposed erasure as holidays were also focusing. The supporters of a former right-centered political government were – at least according to internet forums and debates – quite often the opponents of this former socio-political system and generalizing their ideas, both holidays, the 2nd of May as well as the 2nd of January, could be abandoned. Comparatively, the other group of citizens mostly questioned, why acquisitions of the socialist system should be abandoned and why some other, for example religious holidays shouldn't be erased instead. But not only antagonism towards former socio-political system echoed from this holiday debate, which evolved in 2012. On one hand non-working holidays were seen as an obstacle of productivity while on the other they were perceived as earned spare time of resting and gaining stimulation for further work. If there were quite a few citizens supporting the abolition of two non-working holidays because of their socialist provenience, there were only a few who dared to publicly admit they agree with governmental saving measures because of the supposed economic effects. Their expected results are linked to the Slovenian systemic differentiation between non-working state holidays, state holidays which are regular working days and non-working days such as for example Saturdays and Sundays. For the first ones, non-working holidays, workers get paid or perceived from another angle – they contribute to the costs a company has with its employees. Two further oppositions thus evolved in the holiday debate: between employers or owners of the companies and their employees, as well as between various employees, most of all between the «real» sector and the supposedly ineffective public service. Being a group already deeply involved in the cognitive capitalism and not strictly

differentiating between work and leisure, happy to have (occasional) work at all, the unemployed were excluded from presenting various arguments, while the public service was most often labelled as not working enough (especially in comparison with the «real» sector), as a sector which should work more (efficiently) and thus become more equally included into cognitive capitalism. In general, the quantity of time a person spends working seemed fundamental in those debates, while on the other hand mostly only traditional and unilateral definitions of work, leisure and productivity were expressed. Work was usually equated with a job, and only its economical evaluations were considered while social and personal dimensions of productivity were put aside. Work and leisure, holidays included in the last category, were thus mostly considered to be separated (if not opposed) phenomena and time-spans. This paper will thus focus on various suggestions and debates which evolved before eliminating (only) the 2nd of January as a part of saving measures; at the same time, the paper will try to analyse what relation towards work and leisure those suggestions, perceptions and measures taken in post-socialist Slovenia reflect. Are they only a revitalisation of the 19th century understanding of the holidays as unnecessary burden without any role for the productivity and creativity of work? And on the other hand, what is the role of traditionalistic equating of a work with a job (as a scarce resource) – does it perhaps only contribute to internalisation of a view that one should work more?

Матей Хабинц. Праздники в эпоху досуга: случай Словении

В эпоху когнитивного капитализма, когда границы между трудом и досугом размыты, и люди никогда полностью не освобождены от работы, в некоторых европейских странах, столкнувшихся с экономическим кризисом, правительство попыталось сократить количество праздничных выходных дней. Например, в 2012 г. в Португалии перестали быть «красными днями календаря» два религиозных и два светских праздника. Годом ранее в Италии рассмотрели предложение о переносе государственных праздников, выпадающих на рабочие дни, на ближайшее воскресенье. Аналогичные меры были предложены в постсоциалистических странах, таких как Словакия, Хорватия и Словения. Так, в Словении обсуждался вопрос об отмене двух выходных дней, 2 января и 2 мая. Они были завоеванием социализма и именно на проблеме «социалистического наследия» было сфокусировано внимание большинства участников данной дискуссии. Большинство сторонников правоцентристской политики, по крайней мере в дебатах и сообщениях на интернет-форумах, были противниками бывшей социально-политической системы. Их высказывания так или иначе сводились к тому, что от обоих выходных, 2 мая и 2 января, можно отказаться. Представители других сообществ в основном задавались вопросом, почему речь идет лишь об упразднении наследия социалистической системы, и почему бы не отказаться, например, от религиозных праздников. Но в этой дискуссии, разгоревшейся в 2012 г., нашла свое отражение не только неприязнь к прежнему социально-политическому строю. С одной стороны, в обсуждениях нерабочие праздничные дни рассматривались как угроза результативности труда. В то же время их воспринимали как заслуженное свободное время, необходимое для отдыха и стимулирующее к дальнейшей работе.

Тех, кто поддерживал упразднение двух нерабочих дней, ссылаясь на их социалистическую природу, было довольно много, однако лишь единицы публично высказывались в поддержку инициативы правительства, мотивируя отмену праздников ожидаемым экономическим эффектом. Предполагаемый ими результат был связан с действующей в Словении дифференциацией между нерабочими государственными праздниками, государственными праздниками, являющимися рабочими днями, и выходными днями (суббота и воскресенье). В этих спорах также обнаружилось столкновение интересов работодателей и их сотрудников, а также противостояние между различными

категориями служащих. Наиболее заметное – между «реальным» сектором и якобы неэффективными чиновниками. Однако, например, безработные, которые «рады хоть какой-то подвернувшейся работе», будучи группой, причастной к сфере когнитивного капитализма, утратившей строгое разделение между трудом и досугом, были исключены из этой дискуссии вовсе. В то же время сотрудников государственной службы обвиняли в бездействии (особенно в сравнении с «реальным сектором») и предписывали им работать больше (и эффективнее) и, таким образом, наравне с другими, быть включенными в область экономики знаний. В целом, главным критерием в этих спорах было количество времени, которое человек проводит в работе, хотя оно выражает лишь традиционное и одностороннее понимание труда, производительности и досуга. Труд, как правило, отождествлялся с работой, занятостью, и рассматривался через призму его экономических характеристик, в то время как социальные и личностные аспекты оценки его эффективности были оставлены без внимания. Таким образом, труд и досуг (включая праздники), в большинстве случаев рассматривались как несвязанные (если не вовсе противоположные) явления. Какое представление о соотношении труда и досуга нашло отражение в высказанных в ходе дискуссии предложениях и принятых в итоге в постсоциалистической Словении мерах? Являются ли они возрождением свойственного XIX веку отношения к праздникам как чему-то обременительному, но не влияющему на результативность и креативность труда? Каково влияние на эти представления традиционного отождествления труда с оплачиваемой работой? Не способствует ли оно усвоению, «интернализации» принципа «надо больше работать»?

2nd panel

(Не)занятость, (бес)платность
(In)Occupation, (un)Paid Work

Angela McRobbie. Fashion Start Ups, Young Women's Employment, New Social Enterprise? (per skype)

Available, well-positioned urban space at relatively low cost has permitted the growth of a lively small-scale and independent fashion sector in Berlin, mostly female-led. These shops, workshops, boutiques and 'ateliers' have also benefited from support in the form of reduced rents for business start-ups (Zwischennutzung) and other provisions which encourage job creation and self-employment. Within and alongside the imperative to self-organise according to the requirements of contemporary entrepreneurial governance, different, proliferating forms of activity can be seen where there are co-operative and collaborative modes of 'co-working'. Fashion design workshops in Berlin both subscribe to and undermine commercial imperatives, offering embedded forms of job creation where ethical fashion and urban regeneration enter into partnership. This paper proceeds by 'lifting out' fashion design from current debates about creative economy where the specificities of this sector are often submerged, and, considering recent changes within the fashion industry per se, it offers some reflections, in a period of austerity and cuts to public spending, as well as high unemployment for young women, on the possibilities for localized practice within a neo-artisanal frame. The question of entrepreneurship understood within a broadly Foucauldian frame is interrupted on the basis of the tendency to homogenize and flatten practices within the terms of neo-liberal governmentality. By paying attention to the many multi-mediated associations, and networked arrangements where elements from an earlier tradition of feminist projects, third sector and not-for-profit activities can be drawn on, the assemblages of fashion emerge as a pathway for local growth, meaningful nonstandard jobs and a merging of craft with ethical and sustainable practice.

Анджела МакРоби. Старт-апы в моде, женская занятость, новое социальное предприятие?

Доступное, удачно расположенное городское пространство за относительно низкую плату позволяет развиваться небольшому и независимому модному сектору в Берлине, в котором ведущую роль играют, в основном, женщины. Эти магазины, мастерские, бутики и «ателье» получили поддержку также в виде снижения арендной платы для стартапов (*Zwischennutzung*) и другие блага, которые способствовали созданию рабочих мест и развитию индивидуального предпринимательства. Однако параллельно с требованием современного делового управления открыть свое дело обнаруживается рост совершенно иных форм предпринимательства, основанных на принципах сотрудничества и кооперации. Берлинские мастерские, занимающиеся дизайном одежды, с одной стороны, поддерживают, с другой стороны, подрывают требования быть экономически успешными, предлагая рабочие места, в которых обучение происходит во время работы, а индустрия моды, основанная на этических принципах, и процесс обновления городского пространства, тесно переплетаются. Мой доклад нацелен на то, чтобы вывести дизайн за рамки нынешних дискуссий о креативной экономике, где особенности данного конкретного сектора зачастую не принимаются в расчет. Учитывая перемены, происходящие в индустрии моды как таковой (в контексте периода жесткой экономии и сокращения государственных расходов, а также высокого уровня безработицы среди молодых женщин), в докладе буду представлены некоторые размышления о перспективах для локализованной практики ручного производства. Если рассматривать предпринимательство в самых общих терминах, которыми пользовался Фуко и его последователи, то сама эта проблема будет снята свойственной этому подходу тенденции объединять различные практики термином неолиберальной управляемости (*neo-liberal governmentality*). Но если взглянуть на существующие в этом секторе многообразные связи и сетевые формы кооперации, в которых присутствуют элементы, присущие и более ранним традициям реализации феминистских проектов, развития третьего сектора и некоммерческих инициатив, то в них можно увидеть один из путей к локальному росту, осмысленные нестандартные формы занятости и слияние ручного труда с этическими и экологическими практиками.

Payal Arora. The Leisure Factory: Production in the Digital Age

Work defines us. Play liberates us from these definitions. This conventional wisdom is continuously readdressed as our meaning for both work and play transforms over time. Every society is driven by a vision and, intrinsic to this template of social life lays the intertwined architectures of labor and leisure terrains. For instance, work spaces have undergone a tremendous change as employers' understanding of what counts as productivity has evolved. In this innovation-obsessed economy, the common wisdom among many companies is that to attract the best talent, a new corporate culture is needed, sensitized to workers' larger well-being. Some companies are focusing on the very space within which such talent can be nurtured – the 'office.' The typical grey cubicle infrastructure is making way for a different work environment. Pool tables, volleyball courts, video game parlors, pianos, ping pong tables, and yoga stations are becoming a signature of these new labor landscapes (Kjerulf, 2009). Bicycles, scooters, and slides enable employee movement. Play is infused in the design and shaping of the reception area and board rooms. The individual company gives way to an ecology of corporations situated in park spaces, resembling an university campus (Daskalaki, Starab & Imasa, 2008). From cubicle to the hammock, there appears to be a shift in perception among some key companies of what counts as a space of productivity in today's business market. It isn't surprising that creative and technology industries like Pixar, Apple and Google have embraced the re-architecting of their corporate settings to resemble play spaces (Chang, 2006). Innovation is their business. The less regulating, confining and spatially predictable a work environment is as per this worldview, the more likely it will generate new ideas and enhance performance. These corporate parks share more with the ethos of public parks than the signature cubicle, simulating a place that is relatively free from typical business routine and least marked by institutional pressures and ordering of practice. These new labor geographies are not confined to the material sphere. Basically, a decade ago, corporations' instinctive and sole response to social media within the work domain was to sue business-bashing employees to cease and desist. We were inundated with headlines of companies taking employees to court for posting a negative comment on their Facebook or Twitter. Today, the situation is more complicated as corporations are realizing the implications of these disputes on public relations as well as the fact that these digital leisure terrains can benefit them if used strategically. Large corporate giants like Microsoft, once the nemesis of social media, is today an enthusiastic

host to more than 1,000 in-house web logs where workers can offer opinions on everything from astrology to C++ programming (Gely & Bierman, 2007). «We see blogging as a great opportunity, – says Sanjay Parthasarathy, Microsoft’s corporate vice-president, – we get greater insight into what is going on with key technologies inside the company». Blogging has become so popular at Microsoft that the company offers a web clearinghouse to highlight its various blogs and bloggers. Other companies are taking note like American Airlines that use blogs to give employees more channels to management or at IBM where employees from 30 countries use blogs to discuss software development projects and business strategies. Hot Topic, a 690 store retail chain recently launched an internal social site for employees to use to share ideas and data. We see businesses extending their presence virtually on sites conventionally demarcated for online social and leisure purposes such as Blogger, Twitter and Facebook (Hermann, 2006). As seen in the examples above, there is also a tendency to create walled gardens for employees, so companies can closely monitor and architect features that are conducive to their unique settings. This is seen as enabling the restructuring of the private-sector model from top-down to a more employee-driven and client-oriented culture. Further, web zones like LinkedIn are seen to facilitate networks and collaborations amongst employees and companies, the intent being that such connectivity of ideas and people will proliferate new ways of thinking and doing in the business sector (Guerrier & Adib, 2003). Interestingly, its digital space has transformed and resembles more a social and leisure venue than a work space. The rise of digital labor adds a new dimension wherein people across nations work on a project and are paid for their creative input (Howe, 2006). This posits a challenge in the design of work space as these current corporate sites cater to a temporal, diverse and sporadic global labor market. Furthermore, ‘gamification’ has become a new buzzword for labor landscapes driven by the belief that by infusing game dynamics into the work culture, it enhances employee engagement and efficacy in solving problems. Hence, this paper leverages on parallel pursuits in changes in organizational space and cultures, the historical proliferation of industry, technology and science parks and its contemporary manifestations, and private-sector appropriation of social media spaces to frame the relationship between the architecting of work space and that of play, digitally and materially. This is essential to gain insight into the role of the leisure commons in fostering productivity, innovation and creativity in the workplace. This paper applies the analogy of ‘corporate parks’ to look closely at the extent to which business geographies tend to and influence its digital counterpart as it strives to realign the labor and leisure domain for innovation and employee

satisfaction. It positions this trend in the historical shifts in legitimizing leisure space to increase productivity and brings to question the implication of mobility in the architecting of work environments. In other words, this text addresses the architecting of business spaces materially and virtually in the 21st century and relates it to changing perspectives on labor, leisure and innovation in work cultures. We build on the blurring boundaries of work and play, coming from a long tradition of remapping tied to expectations of improving employee's output and in a larger sense, the corporate margins. These efforts help shed light on contemporary social media trends such as that of free labor. There is a special focus on the implications of employers' encroachment into the public leisure domain, compelling a re-examination of what constitutes as public and private in this labor-leisure landscape. Overall, this paper lays the foundation for investigations into corporations adopting, usurping (and at times walling them in) of common leisure grounds for innovation, strategic networks and regional development as well as employee resistances embedded where they in turn leverage on these novel labor terrains for extending their leisure practices.

Arora, P. (2014) *The Leisure Commons: A Spatial History of Web 2.0*. Routledge/Taylor & Francis (forthcoming).

Chang, J. (2006) *Behind the glass curtain: Google's new headquarters balances its utopian desire for transparency with its very real need for privacy*. *Metropolis Magazine*, June 19.

Daskalaki, M., Starab, A., & Imasa, M. (2008) *The 'parkour organisation': Inhabitation of corporate spaces*. *Culture and Organization*, 14:1

Gely, R., & Bierman, L. (2007) *Social isolation and American workers: Employee blogging and legal reform*. *Harvard Journal of Law and Technology*, 20:2.

Guerrier, Y., & Adib, A. (2003) *Work at leisure and leisure at work: A Study of the emotional labour of tour reps*. *Human Relations*, 56:11.

Hermann, C. (2006) *Laboring in the network*. *Capitalism Nature Socialism*. 17:1.

Howe, J. (2006) *The rise of crowdsourcing*. *Wired Magazine* (on line).

Kjerulf, A. (2007) *Happy hour is 9 to 5: Learn how to love your job, create a great business and kick butt at work*. *Jyllands-Posten*.

Паяль Арора. Фабрика досуга: производство в цифровую эру

Труд определяет нас, а игра освобождает нас от этих определений. Эта простая мудрость постоянно переосмысливается по ходу социальных трансформаций. В основе любой общественной модели лежит определенное и присущее ей переплетение сфер труда и досуга. Так, рабочее пространство претерпело грандиозные изменения в результате эволюции понимания работодателем того, что считать эффективным. В современной – одержимой инновациями – экономике обычный рецепт привлечения лучших талантов для многих компаний заключается в новой корпоративной культуре, чувствительной к растущему благополучию ее работников. Некоторые компании сосредоточиваются на самом пространстве, внутри которого такие таланты можно развивать, – на «офисе». В стандартной кабинетной планировке находят способы для того, чтобы преобразить рабочую среду. Бильярдные столы, волейбольные поля, комнаты для видеоигр, фортепиано, столы для пинг-понга и залы для йоги становятся характерной чертой этих новых условий труда (Kjerulf, 2009). Велосипеды, самокаты, скейты облегчают перемещение сотрудника по офису. Мотив игры можно обнаружить в дизайне всех офисных помещений: от ресепшена до зала заседаний совета директоров. Корпорации располагают свои офисы в парковых зонах, что делает их похожими на университетский кампус (Daskalaki, Starab & Ima-sa, 2008). От кабинета к гамаку: так эволюционирует эффективное рабочее пространство на современном бизнес-рынке. Неудивительно, что компании, принадлежащие к креативной индустрии высоких технологий, такие как Pixar, Apple, Google, придадут своей корпоративной архитектуре черты игрового пространства (Chang, 2006). Инновации – это их бизнес.

Поэтому, чем менее контролирующим, ограничивающим и стандартным будет рабочее пространство, тем более вероятно появление новых идей и повышение производительности. Подобные корпоративные парки имеют больше общего с общественными парками, чем с офисом кабинетного типа, что позволяет создать место, которое является относительно свободным от рутины и меньше подвергается институциональному давлению через точное предписание. Такое переосмысление пространства для труда не ограничивается материальной сферой. Когда социальные медиа только начинали набирать популярность, корпорации отвечали на их вторжение в рабочее пространство жалобами в суд на сотрудников за раскрытие

корпоративных тайн. Множество компаний подали на своих сотрудников в суд за размещение ими негативных комментариев в Facebook или Twitter. Сегодня ситуация усложнилась: корпорации осознали влияние подобных дискуссий на имидж фирмы, поняли, что эти формы цифрового досуга могут приносить прибыль, если их стратегически верно использовать. Крупные корпоративные гиганты вроде Microsoft сегодня с радостью предоставляют возможность вести более тысячи внутренних блогов, где работники могут высказывать свое мнение обо всём: от астрологии до C++ программирования (Gely & Bierman, 2007). «Мы видим в ведении блога замечательную возможность, – говорит Санджай Партасарати, корпоративный вице-президент Microsoft, – ведь мы получаем более полное представление о том, что происходит с ключевыми технологиями внутри нашей компании». Ведение блогов становится столь популярным в Microsoft, что компания создала веб-координационный механизм, чтобы осветить всё разнообразие ее блогов и блоггеров. Другие компании, как, например, American Airlines, отмечают, что использование блогов предоставляет сотрудникам больше возможностей для участия в управлении. В IBM сослуживцы из 30 стран в блогах обсуждают бизнес-стратегии и проекты по разработке программного обеспечения. Можно отметить и Hot Topic – розничную сеть из 690 магазинов, – которая недавно запустила для своих работников внутреннюю социальную сеть, предоставив им возможность делиться своими идеями и информацией. Мы видим, что предприятия фактически расширяют свое присутствие и влияние на рынке благодаря сайтам – Blogger, Twitter и Facebook, – которые обычно служат социальным и досуговым целям (Hermann, 2006). Это ведет к созданию своеобразных изолированных кластеров для сотрудников, за счет чего компании могут внимательно отслеживать и разрабатывать детали, которые способствуют соблюдению и поддержанию их устава. Это рассматривается, как толчок к реструктуризации всего частного сектора экономики от вертикальной культуры к культуре, где всё большее значение обретает работник, к культуре, всё в большей степени ориентированной на клиента. Кроме того, на таких веб-сервисах как LinkedIn просматривается возможность облегчить взаимодействие и сотрудничество между работниками и компаниями, и подобное объединение идей и людей может порождать всё новые способы мышления и деятельности в бизнес-секторе (Gurrier & Adib, 2003). Примечательно, что это цифровое пространство, трансформируясь, больше напоминает места для проведения досуга, чем рабочее пространство. Увеличение труда, привязанного к цифровым технологиям, создает новое

измерение, где люди со всего мира работают над проектом, получая оплату в соответствии с внесенным творческим вкладом (Howe, 2006). Это делает проблематичным оформление рабочего пространства, поскольку эти действующие корпоративные сайты отвечают на запросы временного, разнообразного и спорадического глобального рынка труда. Игрофикация (gamification) становится последним пискom в сфере труда. Она должна дать большую вовлеченность, и более высокую эффективность сотрудника в решении проблем.

В докладе предполагается проследить изменения в организационном пространстве и культуре, в историческом распространении промышленности, технологий и технопарков с их современными проявлениями. Будут затронуты проникновение социальных медиа в экономику частного сектора, что позволит очертить взаимоотношения между функционированием рабочего и игрового пространств, в цифровом и материальном измерении. Это поможет лучше понять роль досуговых общих благ (leisure commons) в повышении производительности, инновативности и творчества на рабочем месте и осознать исторический поворот, состоящий в легитимизации досуга ради увеличения производительности. За отправную точку берется как факт размывания границ между трудом и игрой, так и давняя традиция поиска увеличения отдачи от работника и, в целом, большей выгоды для фирмы. Подобный подход позволяет пролить свет на современные тенденции, характерные для социальных медиа, такие как неоплачиваемый труд. Данное исследование фокусируется на последствиях оржения работодателей в свободное время своих сотрудников, провоцирующих пересмотр отношений частного-публичного в перспективе труд-досуг. Общая цель в том, чтобы заложить основу для исследования процессов узурпации досуга ради инноваций, построения стратегических сетей и регионального развития, так же, как и процессов сопротивления рабочих, где они используют эти новые формы труда для интенсификации собственных досуговых практик.

Галина Евстифеева. Неоплачиваемый труд и судьба «массового общества» в эпоху позднего модерна

В докладе будет рассмотрена проблема «неоплачиваемого труда» как пограничного для современного состояния социальных наук явления. В соответствии с принятой классификацией (Miranda, 2011), деятельность людей можно разделить на несколько главных категорий: неоплачиваемый труд; оплачиваемый труд (работа); обучение; уход за собой; досуг; другое использование времени. Изучение феномена неоплачиваемого труда долгое время было на периферии социальных наук (Барсукова, 2003). Осознание роли человека как субъекта производственной деятельности послужило открытию новых личных возможностей работника и, как следствие, повышению эффективности производственных процессов. В исследованиях середины 1960-х годов отмечалось, что семьи тратят существенное неоплачиваемое время на продуктивные действия: кулинарию, уборку и заботу о ближних. Этот неоплачиваемый труд приводит к росту потребления товаров и услуг и является неявным доходом (Vecker, 1965). Благополучие часто определяется совокупным доходом или производством на душу населения (например, ВВП на душу) и изменением благополучия в соответствии с темпами экономического роста. Однако уровень благополучия оказывается заниженным, если не учитывается значительное количество неоплаченного труда. Именно неудовлетворительность социально-экономической статистики, не учитывающей неоплаченный труд (включая домашний труд), привела к необходимости разработки новых показателей, для чего была создана рабочая группа в составе Д. Стиглица, А. Сена, Дж. Фитусси (Stiglitz et al., 2007). Таким образом, усложнение понимания структуры распределения времени человека привело к более тонкой дифференциации между работой и досугом, введением новых видов труда, отличных от рабочего времени, но необходимых для человеческой жизни, и, наконец, к выделению из времени досуга времени, затрачиваемого на домашний труд, как на часть неоплачиваемого труда. Пограничное положение неоплачиваемого труда между трудом и досугом делает его значимой частью и свободного времени человека, и производительной составляющей используемого времени, создающей новые ценности, дополняющие традиционные оценки социально-экономической динамики. Неоплачиваемый труд – широкое понятие, включающее в себя помимо труда, производимого внутри семей и домохозяйств, многочисленные виды труда, выходящие

за рамки семьи и домохозяйства: благотворительная деятельность, мобилизационная занятость (армия и пр.), производство благ для сетевого обмена дарами и т. д. Отличительной чертой неоплачиваемого труда является его нерыночный характер. По мнению авторов, именно ориентация на массы, а не на индивидуальность, «изъятие» души из социальных процессов, в том числе и политических, стремление управлять массами, создавать товары для масс во многом сформировало современные политические и экономические системы в эпоху индустриализации. Тем не менее, в эпоху позднего модерна возникают все основания говорить о возрастании критического влияния немассовидного индивида на экономические и политические процессы. Новые средства взаимодействия создают новое личное сугубо индивидуальное коммуникативное пространство, позволяющее при необходимости выбирать источники информации и респондентов для общения. И одновременно дают возможность оставаться публичным в контролируемых пределах. Этот процесс, конечно, носит нелинейный характер и пока еще очень прерывист и сложен. Человек, ускользающий от толпы, тут же ей настигается в своей профессиональной деятельности, сопряженной с традиционной формой взаимодействия на рабочем месте. Человека, едва оторвавшегося от массы, тут же хватают привычные средства массовой информации из эпохи модерна. Такого человека, едва заглянувшего в просторы индивидуальности, тут же «хватает» модернистское государство и предлагает свой предельно упрощенный набор благ и удовольствий. Растущее самосознание индивидуальностей и частичное выпадение из массы (пока факультативное, но все более и более активное) начинает резко контрастировать с сущностью сложившегося политического и управленческого мировоззрения элиты. Восприятие мира через призму существования массы и сами специализированные методы воздействия на массу начинают вызывать раздражение и неприятие у «хлебнувших» индивидуальной свободы людей.

Miranda V. (2011) Cooking, Caring and Volunteering: Unpaid Work around the World.

OECD Social, Employment and Migration Working Papers. 116.

Барсукова С. (2003) Сущность и функции домашней экономики. Способы измерения домашнего труда. СОЦИС, 12.

Becker, G. (1965) A Theory of the Allocation of Time. Economic Journal. 75:299.

Stiglitz, J., Sen A, Fitoussi J. (2007) Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress (on line).

Galina Evstifeeva. Unpaid work and the destiny of «mass society» in late Modernity

This paper problematizes unpaid labor as an understudied field in the social sciences. The study of unpaid labor was, until recently, beyond the scope of main topics of interest for sociologists and economists. Studies have shown that production and consumption take place within households without being incorporated in calculations of production flows: families spend a lot of time and effort on unpaid yet productive household activities, such as cooking, care and cleaning. This unpaid work in fact results in consumption and has an effect on income and living standards. If we ignore this type of labor in indices which are meant to reflect living standards (such as GDP per capita), we have inadequate measurements of production and consumption within states. Researchers have now begun to develop a more nuanced differentiation of individuals' time distribution between labor and leisure in order to quantify and understand time spent on labor outside the realm of a person's paid work time. Unpaid labor is a complex phenomenon which lies between work time and leisure time, is a productive part of human activity, and which forms new norms and drives socio-economic dynamics. Yet most importantly, unpaid labor leads to an individualization of work. This comes into opposition with the model of industrial society with its orientation towards mass society both in terms of production and in the sphere of leisure. While modern political and economic systems have largely been formed by orientations towards goods for masses, late modernity can be characterized by the increasing critical role of the individual in economic and political processes. Individuals thus come into conflict with modern political and economic institutions. In this context, the conceptualization of the individual in a context of leisure and production is an important task for social scientists.

Елизавета Березина. Между профессионализмом и любительством: случай вернисажной живописи

В пешеходных зонах большинстве крупных городов России и мира, в узловых точках туристических маршрутов встречаются вернисажи, места свободной торговли предметами художественного творчества. Такие открытые рынки живописи являются одной из форм существования массового рынка искусства, и как любой рынок, могут быть охарактеризованы как экономическая деятельность. Представленные здесь работы в большинстве своем узнаваемы, поскольку характеризуются ограниченным набором технических приемов, восходящих к весьма определенной эстетике. Участникам вернисажей присущ и специфический дискурс, оправдывающий их деятельность, маргинальную по отношению к художественному мейнстриму. По логике «оборачивания стигмат» (Goffman, 1963), именно свою маргинальность некоторые из художников предъявляют как доказательство подлинности их искусства в противовес этаблированному. Положение таких художников в России специфично, поскольку они в своем большинстве получили художественное образование и интегрировали систему эстетических предпочтений в советское время. Многие из них получили в советское время и официальный статус художника (члена соответствующего творческого объединения). Теперь этот статус оказался не утраченным, а обесцененным. Теперь, в контексте капитализма, именно участие в рынке и предоставляет им легитимирующий эрзац статуса. Примечательно, что вернисажные художники отторгают обе характеристики – и «профессионал», и «любитель», предпочитая считаться «мастерами». У некоторых из них нет художественного образования. Это, по их мнению, сближает их с покупателями, устраняет между ними барьер профессионализма. Какие материальные мотивы и идейные легитимации приводят художников на вернисажи? Что вынуждает их предпочесть данный способ реализации продукции? Насколько рынок может обеспечить их средствами к существованию? Считают ли они свою деятельность трудом или творчеством? В ходе исследования, основанного на биографических интервью, у меня сложились гипотезы, которые я и изложу в докладе.

Goffman, E. (1963). Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. New York: Simon & Schuster.

Elizaveta Berezina. Between professionalism and amateurism: the case of amateur painters

In pedestrian zones of the most big cities of the world (including Russia), in nodal points of tourist itineraries, there are arts and crafts markets, places of free commerce of artefacts of (para)artistic creation. Such markets can be considered as a specific economic activity. Most of the presented works are easily recognizable, since they are marked with a limited number of artistic devices and technics implying a quite certain aesthetics. A very specific auto-legitimizing discourse addressed to the mainstream art is proper to participants of such a para-commerce. Similar to the logic of «inverted stigma» (Goffman, 1963), amateur painters use marginal character of their art as the proof of the authenticity of their art and the differentia specifica distinguishing it from the established art. The situation of such painters in the contemporary Russia has a rather specific feature: most of them were formed at the Soviet academies and adopted a Soviet (be it also overtly anti-Soviet) system of aesthetic preferences. Many of them gained official status as artist (i.e. member of the Union of Artists). Now, nobody withdraw this status from them, but it is completely depreciated. In the new, capitalist, situation, precisely the participation in the market offers them an Ersatz of a legitimitizing status. It is notable that our savage artists refuse both titles of «professionals» and «amateurs» and prefer to call themselves «masters». Some of them have no education in arts. It helps them, they say, to find the way to «simple» customers, since no barrier of professionalism separate them anymore. Which material mobiles and ideological legitimations bring artist to such arts and crafts markets? Why do they prefer this way of selling their art? Is it enough for living? Do they consider their activity as work or rather as creation? In my paper I will present some hypotheses I formed in the course of my research based on biographical interviews.

Мария Рикитянская. Отдыхать в поте лица? Молодежный дискурс о дачах в постсоветской России

Как культурные практики трансформируются в изменяющихся реалиях постсоветской России? Продолжает ли советские традиции поколение, выросшее после распада СССР? Перенимает ли молодежь у своих родителей способы проведения свободного времени? В работе исследуется вопрос, как молодым поколением воспринимается физический труд в качестве основной практики проведения досуга на даче. Целью исследования является выявление ключевых паттернов в восприятии трудовых и досуговых практик на даче как культурного феномена советской эпохи. Исследование поможет выяснить, как видоизменяются границы труда и досуга в настоящее время при отсутствии советской риторики о важности физического труда. Под влиянием изменений капитализма, характеризуемых подъемом экономики знания, размываются границы между трудом и досугом. Появление цифровой экономики, при которой вся работа может быть произведена онлайн – от ее поиска, заключения контракта и до сдачи проекта, – приводит к трансформации рабочего места в удобный диван с беспроводной сетью вместо станка на заводе. Однако изменения на рабочих местах были внимательно изучены, а трансформации в сфере досуга стали исследоваться лишь в последние годы. Советская дача в основном исследовалась с экономической точки зрения – как единица производства натурального хозяйства. Только в последнее десятилетие появились работы, посвященные антропологическим особенностям социальной истории дачи (Lovell, 2003; Galtz, 2000). Американский антрополог Мелисса Колдуэлл определила, структурировала и упорядочил досуговые практики на основе данных, собранных в Тверской области. Обитатели дач отдыхают на природе, едят натуральные фрукты и овощи, неформально общаются и конфликтуют с соседями и, наконец, тяжело трудятся. Хотя работа по дому и саду зачастую значительно более трудоемкая и утомительная, чем официальная трудовая деятельность и обязательная общественная работа вроде парадоксальной «добровольной обязательки» субботников, вся деятельность на даче – посадка растений, прополка грядок, сбор урожая и переработка в пищу воспринимается как абсолютно добровольная деятельность, совершаемая для своего же блага. (Caldwell, 2011, 43). Старшее поколение, воспитанное в советское время, представляет трудовую деятельность как героические подвиги, раскрывая этот модус восприятия через лексикон в своих

рассказах о труде. Тяжелая физическая работа на даче оказывается разновидностью досуга, и потому оппозиция труд – досуг теряет значение. В рамках исследования проверено, перенимает ли молодое поколение подобный дискурс и приживаются ли трудовые практики. Были проведены полуструктурированные интервью с представителями поколения, выросшего после распада СССР, чьи семьи владеют дачами в пригороде Москвы. После интервью информантам было предложено нарисовать схему дачи со всеми упомянутыми объектами, сопоставление ее с нарративом позволило выделить объекты интереса информанта.

*Caldwell M. (2011) *Dacha Idylls. Living Organically in Russia's Countryside*. Berkeley, LA: University of California Press.*

*Galtz N. (2000) *Space and the Everyday: an Historical Sociology of the Moscow Dacha*. PhD dissertation. University of Michigan.*

*Lovell S. (2003) *Summerfolk. A History of the Dacha, 1710–2000*. Ithaca; L.: Cornell UP, 2003.*

Maria Rikityanskaya. To relax in the sweat of one's brow? Youth's Narratives about Dacha in post-Soviet Russia

How do cultural experiences transform in the context of post-Soviet changes? Does the generation which grew up after the collapse of the USSR continue to foster Soviet traditions? Are ways of spending free time inherited by post-Soviet youth from their parents? This paper examines the question of how the young generation perceives physical labour as a form of leisure at Russian dachas, which are second homes located outside of Russian cities. The main goal of this research is the examination of key patterns in young people's perceptions of labor and leisure activities at dachas. This paper intends to explore transformations of borders between working and relaxing at dachas in a context where Soviet rhetoric about the meaning and merit of physical work no longer exists. The current change of capitalism is characterized by the rise of a knowledge-based economy which blurs the borders between labour and leisure. Emergence of a digital economy in which everything can be done online, from finding a job through negotiating a package to handing over the project, leads to the transformation of the workplace to the one's sofa with a wireless network instead of a machine at a factory. While the changes in the workplaces have been the focus of much research over the past several decades, transformations of leisure activities became the objects of studies fairly recently. Soviet dachas were investigated primarily through an economic lens, as a unit of subsistence farming production. Only in the recent decade have works devoted to the anthropological details of dacha social history appeared (Lovell, 2003; Galtz, 2000). American anthropologist Melissa Caldwell defined, structured and listed the leisure experiences at the dacha based on the collected data in the Tver region. Dacha inhabitants relax in the nature, eat natural fruits and vegetables, have informal communication and conflicts with neighbors and at last are hard-working persons. The research examines whether discourses about labour and the dacha is adopted by the young generation. Semi-structured interviews were conducted with representatives of the generation which grew up after the collapse of the USSR whose families have dacha outside of Moscow.

Попов Алексей. Номадические предметы как орудия труда-быта-досуга: трансформации мобильной «вещности»

В 2012 г. знаменитый Дом моды Louis Vuitton презентовал коллекцию аксессуаров и предметов интерьера под названием «Вещи кочевника» (Objets Nomade). «Швейцарские часы на вашем запястье, это номадический предмет, без которого современному человеку никак не позиционировать себя в пространстве и во времени», – утверждает на одном из российских сайтов, продающих дорогие наручные часы всемирно известных швейцарских марок. Предложенный Жаком Аттали (Attali, 1987) термин «номадический предмет», удачно вписанный им в контекст постиндустриального общества, оказался модным и востребованным. Однако концептуальное осмысление этого понятия, хотя и привлекло внимание ряда авторов, особенно на Западе, не отличается системностью и завершенностью. В докладе нами будет предпринята попытка обозначить стратегические направления изучения феномена номадических предметов, как специфической части материальной культуры человечества. В первую очередь будет рассмотрена историческая эволюция номадических предметов, которые присутствовали повсеместно, однако особую роль приобретали в тех культурах и сообществах, для которых были характерны постоянные пространственные перемещения, например у кочевых племен Азии, викингов или запорожских казаков. С исторической эволюцией номадических предметов тесно связана трансформация присущих им свойств. Под влиянием прогресса такие предметы всё больше отвечали требованиям, которые являются важными для «человека путешествующего»: *Компактность* (постоянное уменьшение размера, объема и массы). Например, в книге Уильяма Митчелла (Mitchell, 2003) подробно описано, как за счет усовершенствования компактности звуковоспроизводящей аппаратуры она за несколько веков превратилась из громоздкого предмета обстановки (механическое пианино) в неощутимый на теле аксессуар (MP3-плеер). *Полифункциональность*, а затем и мультифункциональность. Современный мобильный телефон включает гораздо больше дополнительных опций, чем популярный с конца XIX в. швейцарский складной нож т. н. армейского образца, способный заменить до 14 различных инструментов. Этот пример показывает также, что универсализация инструментов интеллектуального труда имеет больше возможностей, чем в случае с физическим трудом.

Универсальность сферы применения, которая и позволяет нам называть номадические предметы современности «орудиями труда-быта-досуга». Подключенный к интернету ноутбук с одинаковым успехом помогает выполнять производственные задачи, решать бытовые проблемы, выполнять рекреационные и гедонистические функции.

Во многом именно благодаря номадическим предметам стирается грань между работой и досугом, и при вводе в поисковую систему запроса «фрилансер» на мониторе появляется множество картинок с изображением человека в шортах и с ноутбуком, возлежащего где-нибудь возле бассейна или на пляже. Безусловно, отнесение тех или иных предметов к категории «номадических» носит такой же условный характер, как, например, выделение в отдельную отрасль индустрии гостеприимства (*industry of hospitality*), институциональная принадлежность к которой также часто бывает очень размытой. Зачастую тот или иной предмет делает номадическим не принадлежность к той или иной позиции в номенклатуре промышленных изделий, а именно практики его использования. Достаточно дискуссионным является вопрос о включении в число номадических предметов транспортных средств, оружия, лекарственных препаратов, предметов личной гигиены, консервированных продуктов и пищевых концентратов, что в определенной степени затрудняет их классификацию и типологизацию. Однако даже в этих условиях вряд ли у кого-то возникнут сомнения в возможности классифицировать номадические предметы по удовлетворяемым ими потребностям или по способу производства (промышленные изделия и самоделки). Можно также разделить их на первичные «вещи для человека» (фотоаппарат) и вторичные «вещи для вещей» (зарядное устройство, дополнительная карта памяти, съемные объективы, сумка для всего этого фотоинвентаря, компактный штатив). Мир мобильной «вещности», безусловно, интересен с экономической, социальной, культурологической, философской и др. точек зрения. Во-первых, существует имеющая миллиардные обороты индустрия производства номадических предметов и других вещей, частично схожих с ними по своим свойствам (так появились складные дорожные фены). Во-вторых, уже сам Аттали отмечал интересную тенденцию расслоения номадов на новую кочевую элиту, кочевников среднего уровня и номадов-аутсайдеров. Насколько их материальный мир будет отличаться и каким образом высокая пространственная мобильность людей и вещей повлияет на традиционные механизмы социальной стратификации? В-третьих, интересным было бы сравнительное рассмотрение феномена мобильной

вещности в контексте разных культур, а также определение его места в кросс-культурном взаимодействии. Например, в современной русской национально-патриотической литературе встречается резко негативное отношение к современному номадизму, который рассматривается как часть всемирного заговора с целью лишить русский народ его традиционных культурных ценностей. В то же время во многих азиатских странах, от Казахстана до Саудовской Аравии, наоборот, наблюдается романтизация номадического образа жизни и всего, что с ним связано. Наконец, с философской точки зрения можно поставить вопрос о том, в какой степени использование номадических предметов дает «человеку путешествующему» свободу и независимость от ограничений оседлой цивилизации, а в какой – порождает новую зависимость, теперь уже от самих этих вещей.

Attali, J. (1987) Au propre et au figuré: une histoire de la propriété. Paris: Fayard.

Mitchell, W. (2003) Me++: the cyborg self and the networked city. Cambridge, Mass.: The MIT Press.

Alexey Popov. Nomadic objects as tools of work-life-leisure: transformations of the mobile «thingness»

In 2012 the famous fashion house Louis Vuitton presented a collection of accessories and articles of interior called «Nomadic Objects» (Objets Nomades). The concept «Nomadic objects» was proposed Jacques Attali (1987), which he successfully placed in the context of postindustrial society, became fashionable and in demand. However the conceptual comprehension of this notion attracted the attention of some authors, especially in the West, does not differ by system and completeness. This paper poses questions concerning studies of the phenomenon of nomadic objects and their role for material culture. Firstly we address the historical evolution of nomadic objects which were present everywhere, however special attention was paid to those cultures and communities which were characterized by constant spatial displacements, such as the nomadic tribes of Asia, the Vikings or the Zaporozhian Cossacks. Historical evolution of nomadic objects are closely related to the transformation of their intrinsic properties. Under the influence of progress, such objects became tailored to the needs of the «traveling person»:

Compactness (permanent reduction in size, volume and mass): for example, the book by William Mitchell (2003) describes in detail how due to the improvement of

compactness of audio equipment over the course of some centuries it transformed from bulky objects in apartments (mechanical piano) to an accessory imperceptible on a body (MP3-player).

Polyfunctionality, and then the multi-functionality: a modern mobile phone includes many more additional options than, for example, a 19th century Swiss pocket clasp-knife so-called «army» model.

Universal application, which allows us to call nomadic objects of today «tools of labour-routine-leisure»: internet-connected laptops help us to perform production tasks, solve everyday problems, to carry out recreational and hedonistic functions. The world of mobile things is interesting from economic, social, cultural and philosophical points of view. At first, there is industry of production of nomadic objects which are used and reused. Secondly, Attali noted the interesting tendency of stratification of nomads to a new nomadic elite, creating a group of average nomads and of nomads-outsiders. Firstly, how does their material world will differ? Secondly, how does high spatial mobility of people and things affect the traditional mechanisms of social stratification? Thirdly, it would be interesting to conduct comparative research of the phenomenon of mobile «things» in the context of different settled and nomadic cultures. Finally, from the philosophical point of view it is possible to raise a question about the extent to which use of nomadic objects gives a «traveling person» freedom and independence from limitations of the settled civilization, and to what degree generates a new dependence on these objects.

3rd panel

Потребление и субъективность- Consumption and Subjectivity

Nello Barile. Branding the self in the age of emotional capitalism. The exploitation of prosumers from the rhetoric of «double bind» to the hegemony of confession

This paper aims to study the differences between «cognitive» and «emotional» capitalism through a cultural analysis of consumption and communication. Cognitive capitalism is not only about the post-Fordist transformation of management and work in a new productive system based on the centrality of knowledge (Rullani, 2000). As before the worker as the interpreter of a neo-Marxian General Intellect (Virno, 2000), now the prosumer (Toffler, 1979; Jenkins 2006) has become the core of a totalizing exploitation of his emotional and relational world. This process became yet visible during the 90s but it became even stronger recently, with the emergence of a new digital economy based on the combination of two mantras: on one side the pseudo-collective dimension of the «social» (Keen, 2012), and on the other side the solipsistic logic of User Generated Contents (Lovink, 2011). The moment of a full cognitive exploitation of consumers – reached in the 90s with a revolutionary approach to communication and advertising (Klein, 2000) – can be analysed adopting the Batesonian pattern of the «double bind» that consider schizophrenia as a lack of communication between the mother and the child. The double bind can be transferred to the relationship between the brand (the mother) and the consumer (the child), to underline how the dependence of consumer from global brands is based on a powerful and paradoxical form of communication (Barile 2009). In this way the consumer is at the same time the centre of the universe peopled by global brands and the victim of a sort of identity burglary. As the Empire interacts with the multitude on three main levels – universal, dialectic and customized (Negri & Hardt, 2000) – also the brand system does everything to feed the collusion between his strategic vision and the tactical mobility of the consumer. The same kind of collusion has started during the 30s between the Cultural

Industry and artistic avant-gardes, but today it is much stronger and generates a sort of «neototalitarian mentality». The dynamic of double bind, predicating an ideal horizontality between brands and consumers, has prepared the advent of the User as the protagonist of the digital era, involving him in a self-expression policy but also in a new hyper-exploitation (Formenti, 2011). This process becomes much clearer with the diffusion of the Web 2.0, when the centrality of the user is as well redefined as a «cult of amateur» (Keen, 2007; Flichy, 2010). The new era of brand power passes through the social web because all the marketing today is integrated in this new totalizing environment. This is why the «confession device» (Foucault, 1976) can be considered as the core of a new form of capitalism based on the complex interaction between emotions, relations and experiences. In other words we have moved from the hegemony of brands with their democratic trial of absorbing the consumer experience in their activity, to the capacity of users of eternalizing and use emotions as a competitive resource in the worldwide market of identities (Barile, 2012).

- Barile, N. (2009) *Brand new world. Il consumo delle marche come forma di rappresentazione del mondo*, Milano, Lupetti, 2009.
- Barile, N. (2012) *The Age of Personal Web TVs. A Cultural Analysis of the Convergence between Web 2.0, Branding and Everyday Life*. In: A. Abruzzese et al. (eds), *The New Television Ecosystem*. Berlin: Peter Lang.
- Flichy, P. (2010) *Le sacre de l'amateur. Sociologie des passions ordinaires à l'ère numérique*. Paris: La République des idées / Seuil.
- Foucault, M. (1976) *Histoire de la sexualité*. Vol. 1. P.: Gallimard.
- Formenti, C. (2011) *Felici e sfruttati. Capitalismo digitale ed eclissi del lavoro*. Milano: Egea.
- Illouz, E. (2007) *Cold Intimacies: The Making of Emotional Capitalism*. Oxford: Polity Press.
- Jenkins, H. (2006) *Fans, Bloggers, and Gamers: Exploring Participatory Culture*. New York UP.
- Keen, A. (2007) *The Cult of the Amateur: how blogs, MySpace, YouTube, and the rest of today's user-generated media are destroying our economy, our culture, and our values*. New York: Doubleday.
- Klein, N. (2000) *No Logo: Taking Aim at the Brand Bullies*. Toronto: Knopf.
- Lovink, G. (2011) *Networks without a cause: a critique of social media*. Cambridge: Polity.
- Negri, T. & Hardt, M. (2000) *Empire*. Harvard UP.
- Rullani, E. (2000) *Le Capitalisme Cognitif: Du Déjà vu? Multitudes*, 2.
- Toffler, A. (1979) *The Third Wave*. New York: Bantam, 1979.
- Virno, P. (2003) *Grammatica della moltitudine. Per una analisi delle forme di vita con-temporanee*. Roma: Derive Approdi.

Нелло Бариле. Брендирование «я» в эпоху эмоционального капитализма. Эксплуатация «просьюмеров» от риторики double-bind к гегемонии исповеди

Задача этой статьи – исследовать различия между «когнитивным» и «эмоциональным» капитализмом с помощью культурного анализа потребления и коммуникации. Когнитивный капитализм связан не только с пост-фордистским преобразованием труда и управления им в новую продуктивную систему, основанную на центральном положении знания (Rullani, 2000). Если ранее неомарксистский Всеобщий Интеллект ориентировался на модель Рабочего (Virno 2000), то теперь его место заступил Просьюмер (Toffler, 1979, Jenkins, 2006), эмоциональный и коммуникативный мир которого подвергся тотальной эксплуатации. Этот процесс, заметный еще в 1990-е гг., усилился с появлением новой цифровой экономики, основанной на комбинации двух новых мотивов: 1) псевдо-коллективного измерения «социального» (Keen 2012), и 2) солипсистской логики «пользовательского контента» (Lovink, 2011). Момент полной когнитивной эксплуатации потребителей, достигнутый в 1990е с появлением революционного подхода к коммуникации и рекламе (Klein 2000), может быть проанализирован с помощью применения паттерна double bind. Введенная Бейтсоном для объяснения шизофрении как нехватки коммуникации между матерью и ребенком, эта фигура может быть применена к взаимоотношениям между брендом (матерью) и потребителем (ребенком). Зависимость потребителя от мировых брендов основана на сильной и парадоксальной форме коммуникации (Barile, 2009). В этом смысле потребитель находится в центре вселенной, населенной мировыми брендами, и является жертвой похищения идентичности. Поскольку Империя взаимодействует со множеством (multitude) в трех модальностях: универсальной, диалектической и персонализированной (Negri & Hardt, 2000), то и система брендов смыкает стратегическое видение с тактической мобильностью потребителя. Эта смычка не нова, она началась в 1930е годы между культурной индустрией и художественным авангардом. Но сегодня речь также идет о создании своего рода «неототалитарной ментальности». Динамика double bind, предложив идеальную горизонтальную взаимосвязь между брендами и потребителями, предвосхитила пришествие Потребителя, вовлекая его как в процесс освобождения и самовыражения, так и в гипер-эксплуатацию (Formenti, 2011). Этот процесс становится намного яснее с

распространением Web 2.0, когда ориентацию на прежнего «потребителя» сменил «культ любителя-знатока» (Keen, 2007; Flichy, 2010). Мощь брендов зиждется сегодня на новом социальном вебе, архитектура которого управляется «диспозитивом исповеди» (Foucault, 1976) как ядром нового капитализма, опирающегося на эмоции, взаимоотношения и опыт. Другими словами, произошел поворот от гегемонии брендов, которые демократически испытывались потребителем, пополняя его опыт, к возможности мобилизации эмоций пользователя как соревновательного ресурса на мировом рынке идентичностей (Barile, 2012).

Вячеслав Комбаров. От отчужденного труда к отчужденному потреблению: гибридизация типов социального спектакля и гипо-субъектность человека труда

Два вида спектакля: западный социальный спектакль потребления и восточный (советский) тоталитарный социальный спектакль: два вида отчуждения (отчуждение от власти, управления, потребностей vs отчуждение от реальности и «духовности» – конsumerизм). Два типа экономики отчуждения: политэкономия и политэкономия знака. Не происходит ли в современном транзитивном российском обществе конвергенция ранее противопоставляемых категорий - спектакль (Ги Дебор) vs перетекание механизмов узурпации времени и производственных сил из производящей экономики в потребление (Бодрийяр)? Не является ли современная внутриевропейская критика (нео)либерализма свидетельством поворота к усилению регулирующих функций и роли государства? Реверсивность знаков потребления и принуждения, коннотация двух типов контроля и поощрения – чистая ризоматика отчуждения, ризоматика отчужденного субъекта (квазисубъекта) труда и потребления – трансотчуждение. Для концептуализации этих процессов понятие «трангрессия» предпочтительнее понятия трансформации. Одним из атрибутов трангрессии является последующее восстановление «перевернутых», отмененных запретов – феномен консервации советских видов отчуждения в современном российском обществе. В данном случае под пределом я понимаю границы бывшего СССР в широком смысле слова: экономические, политические, культурные, государственные, сексуальные. По другую сторону «железного занавеса» существовала иная социальная реальность (спектакль), образ мыслей, жизненные стили, формы экономической деятельности, литература, искусство, предметы быта и одежда, музыка и ценности которой представляли собой табуированные объекты. Совокупность последних образовывала некую область сакрального, которая была отделена от привычного, очерченного запретами «профанного» мира (общесивного мира труда и производства) советского человека. Свободный жест как нарушение запрета (трангрессия), влек за собой карательные действия системы, выражающиеся в различных практиках преследования, исключения, отчуждения и социальной изоляции. Очевидно, что крайне раздутая сфера производства и жестко минимизированная сфера потребления в Советском

Союзе привели к коллапсу системы и последующей эксплозии – процессу трансгрессивного перехода, который повлек за собой метастазирование в российскую социальную ткань западных социальных институтов и практик потребления, открытой сексуальности, разветвленной системы СМИ; пролиферации подверглась область политического и религиозного. Виды отчуждения, свойственные советскому обществу, были дополнены западными видами отчуждения, гибридизация которых вылилась в особую современную форму отчуждения – трансотчуждение. Данные собственного эмпирического социологического исследования ИТР современных российских промышленных предприятий (305 чел.) и руководителей предприятий (21 чел.), а также анализ вторичных данных демонстрируют (спустя 25 лет после начала перестройки и ельцинских реформ) консервацию архаически типичных для советского общества измерений отчуждения: от власти, потребностей, безопасности, самореализации, развития (Лапин). При этом мы имеем дело со сформировавшимся в России обществом потребления, генерирующим самоотчуждение, отчуждение от реальности (гиперреальность) и от «духовности» (примат материальных ценностей, накопления и обладания, субституирование индивида вещью, капиталом, знаком социального статуса). Таким образом, современный индивид, репрезентируется как тотально отчужденный, иными словами, как «мертвый субъект»: круг замкнулся: отчужденный труд ↔ отчужденное потребление. Существует ли еще сегодня надежда на решение проблемы гипосубъектности (человека труда, в частности) и реанимацию полноценного субъекта, не задавленного дискурсами власти, труда, потребления и капитала? Возможно. Так, если ранние работы постструктуралистов (постмодернистов) изобиловали утверждениями и настроениями относительно смерти субъекта, то более поздние их труды демонстрируют некоторую ревизию понятий «субъект» и «субъектность», показывают возможности реанимации действующего социального агента как полноценного носителя власти, проводника своей воли, намерений и желаний. Такое «воскрешение» становится возможным благодаря развитию представлений о новых свойствах той социальной обстановки (окружения, условий), в границах которой происходит конструирование субъекта, инвестирование в новые формы субъективности: гибкая, нелинейная, ризомная – «хаосмос» (Делёз, Гваттари) – постбюрократическая. В более привычных социологических и философских терминах такая обстановка или среда операционализируется как синергитическая, открытая, самоорганизующаяся (Пригожин).

Viacheslav Kombarov. From alienated work to alienated consumption: hybridisation of social spectacle and hypo-subjectivity of worker

Two types of society of the spectacle: Western type of social spectacle of consumption and Eastern (Soviet) type of totalitarian social spectacle: two kinds of alienation (alienation from power, management, needs versus alienation from reality and «spirituality» – consumerism). Two types of economics of alienation: political economy and the political economy of the sign. In modern transitive Russian society are we witnessing the convergence of previously contrasting categories of spectacle (Guy Debord) and a spillover of mechanisms of usurpation of time and forces of production (alienation) from the producing areas of the economy to the area of consumption (Baudrillard)? Is contemporary criticism of (neo)liberalism the evidence of a change in the direction of strengthening the regulatory functions and the role of the state in collapsing economies of the Old continent? Reversion of the signs of consumption and coercion, the connotation of two types of control and incentives — pure rhizomatics of alienation, rhizomatics of alienated subject (quasi-subject) of labor and consumption – resulting trans-alienation. Thus, the modern individual is represented as totally alienated, in other words, as a «dead subject»: a vicious circle: alienated labor ↔ alienated consumption. Is there still hope today to solve the problem of hypo-subjectivity (of working man, in particular) and to reanimate the subject that is not more crushed by the discourses of power, labor, consumption and capital? Probably. Thus, if the early works of post-structuralists (postmodernists) abounded statements and attitudes regarding the death of the subject, some of their more recent works show revision of the terms «subject» and «subjectivity» and indicate the possibility of resuscitation active social agent as a full-fledged subject of power, of his will, intentions and desires. This «resurrection» is possible by the development of new ideas about the properties of the social environment (conditions), within which take place the construction of the subject and investments in new forms of subjectivity: a flexible, non-linear, rhizomatic – «chaosmos» (Deleuze, Guattari) – post-bureaucratic. In more conventional sociological and philosophical terms such situation or environment operationalized as synergistic, open, self-organizing (Prigogine).

Инна Кушнарева. От производства субъективности через труд к производству субъективности через долг и кредит

В книге «Сотворение человека-должника» (Lazzarato, 2011) Маурицио Лаццарато заменяет модель труда как производства субъективности на производство субъективности через долг и кредит. Субъект-должник обязан быть предсказуемым, надежным и дисциплинированным, его жизнь подчинена производству надежной кредитной истории. Отчуждение субъекта через труд, по Лаццарато, отличается от отчуждения через долг и кредит. Труд объективирует настоящее, тогда как долг – будущее. В индустриальную эпоху еще не все будущее было колонизировано, оставалась возможность для революционного преобразования. Современная экономика, основанная на долге, отчуждает будущее. Она изымает из него возможность неожиданностей и изменений. Долг и кредит – еще один шаг к полной квантификации жизни. Огромные денежные массы в банках – это замороженные активы будущего, его возможностей и потенциала. Лаццарато полемизирует с моделью когнитивного капитализма, показывая, что главный императив современной экономики – не знание, а самозанятость, раз ее продуктивность растет за счет того, что человек-должник, становясь *entrepreneur of the self*, принимает на себя ответственность и риски и отказывается от социальных гарантий. Должник – это всегда фигура вины. Парадигматичен здесь безработный: он расплачивается за то, что плохо распорядился своим человеческим капиталом. В отличие от труда и капитала, долговая экономика мобилизует не способности, а моральную ответственность и чувство вины. Теория человека-должника у Лаццарато основывается на понимании обмена как сугубо асимметричных отношений, приводящих к возникновению долга и кредита, предшествующих производству и оплачиваемому труду. В качестве противовеса этой теории можно использовать теорию долга Д. Грэбера (Graeber, 2011). Грэбер понимает долг как не доведенный до завершения обмен, в котором между сторонами существует условное равенство. Грэбер рассматривает долг в очищенном от моральных коннотаций виде и критически подходит к концепции экзистенциального долга, которая оказывается связана с идеей долга как производства субъекта.

Graeber, D. (2011) Debt: the first 5,000 years. Brooklyn, N.Y.: Melville House.

Lazzarato, M. (2011) La fabrique de l'homme endetté: essai sur la condition néolibérale. Paris: Amsterdam.

Inna Kushnaryova. From production of subjectivity through work to production of subjectivity through debt and credit

In his recent book «The Making of the Indebted Man» the sociologist and philosopher Maurizio Lazzarato (2011) replaces the model of production of subjectivity through labour for the model of its production through debt and credit. The indebted subject is bound to be predictable, reliable and disciplined. The whole life of the modern indebted man is conditioned by one thing – production of a reliable credit record. According to Lazzarato, the alienation of the subject through labour is different from alienation through debt and credit. The labour objectivizes the present while the debt objectivizes the future. Not all future was colonized in the industrial era and there were still a possibility of revolutionary change. The modern economy based on debt alienates the future. It deprives the future of possibility of any surprise and change. The debt and credit relations in their modern form is one more step towards complete quantification of life. Enormous heaps of money in the banks are frozen assets of the future, its frozen opportunities. Lazzarato questions the model of cognitive capitalism and shows that the major imperative of the modern economy is not knowledge but self-employment as the economic productivity grows because the indebted man, who becomes the true entrepreneur of the self, assumes responsibility and risks and relinquishes any social guarantee. The indebted man is always a figure of guilt. The paradigmatic personage in this context is the unemployed which pays a high price for a poor management of his human capital. Unlike capital and labour, the economy of debt mobilizes not intellectual and physical capabilities but moral responsibility and guilt. Lazzarato's theory of the indebted man is based on conception of exchange as highly asymmetrical relations that produce debt and credit preceding production and waged labour. The theory of debt by the anthropologist David Graeber (2011) might be used as a counterargument to Lazzarato. Graeber understands debt, among other things, as an exchange that has not been brought to completion. And exchange, according to Graeber, is based on relative equality. The analysis of huge historical and anthropological data enables Graeber to purify debt of moral connotations and criticize the concept of existential debt (a debt to humanity, society, etc.) which somehow conditions the idea of debt-produced subject.

Durren Nixon. Yearning to Labour: Low-skilled Men and 'Neo-Liberal Selfhood' in the 'Cultural Economy'

Over recent decades economic change and labour market restructuring have significantly reduced low-skilled young men's labour market prospects. Declining opportunities for low-skill manual work have severed key routes into employment, although young low-skill men continue to seek such work (Nixon, 2006; Lehmann, 2007). Equally, employment opportunities at the bottom-end of the labour market are dominated by forms of service work that require workers to mobilise key social and cultural skills and attributes in order to perform the emotional and aesthetic labour demanded (Nixon, 2009; Williams and Connell, 2010). Arguably young low-skilled men lack precisely the kinds of cultural and social 'attributes' demanded in such work. The growth of low-level service work is thus producing new forms of class and gender inequality that contribute to the labour market problems facing young low-skill men (Williams and Connell, 2010; Nixon, 2009). At the bottom-end of the labour market the demand for flexibility extends far beyond working hours. It applies to attitudes-to-work and the ability to 'fit' to an increasing variety of organisational contexts. Welfare-to-work policy promotes an 'enterprising' or neo-liberal notion of selfhood – a self that is expected to 'morph' to meet ever-changing labour market requirements. Flexibility is the key employability trait and those who lack the skills or cultural resources to adopt a neo-liberal persona are sanctioned for lacking the 'work ethic'. Such policy does nothing to improve life at the bottom-end which is characterised by precarious employment and 'churning'.

Lehmann, W. (2007) Choosing to Labour? School-Work Transitions and Social Class, McGill-Queens UP.

Nixon, D. (2006) 'I Just Like Working With My Hands': Employment Aspirations and the Meaning of Work for Low-Skilled Unemployed Men in Britain's Service Economy. Journal of Education and Work. 19:2.

Nixon, D. (2009) 'I can't put a Smiley Face on': Working-class Masculinity, Emotional Labour and service work in the 'new economy'. Gender, Work & Organization. 16:3.

Williams, C. & Connell, C. (2010) 'Looking Good and Sounding Right' Aesthetic Labour and Social Inequality in the Retail Industry. Work and Occupations. 37:3.

Даррен Никсон. Жажда деятельности: низкоквалифицированная рабочая сила и неолиберальное сознание в эпоху экономики культуры

В последние десятилетия экономические реформы и реструктуризация рынка труда значительно снизили шансы низкоквалифицированных кадров на карьерные перспективы. Хотя среди молодых людей без квалификации по-прежнему востребована занятость, предполагающая ручной труд, варианты подобного трудоустройства существенно сокращаются (Nixon, 2006; Lehmann, 2007). Почти половина предложений в секторе низкооплачиваемого труда связана с работой в сфере услуг, которая требует от служащего навыков социальной и культурной коммуникации, в соответствии с представлениями об «эстетическом» и «эмоциональном», предъявляемыми к этому типу занятости. (Nixon, 2009; Williams and Connell, 2010). Однако, именно этих культурных и социальных компетенций не хватает молодым малоквалифицированным кадрам. Таким образом, разрастание низшего сектора сферы услуг способствует возникновению новых форм классового и гендерного неравенства, что вызывает проблемы, с которыми сталкиваются молодые люди без специальных знаний на рынке труда. (Williams and Connell, 2010; Nixon, 2009).

В секторе низкоквалифицированного труда требование «гибкости» распространяется не только на рабочее время. Оно касается и отношения к работе, и способности быстро приспосабливаться к изменяющейся структуре организации. Такая система порождает неолиберальное сознание, для которого свойственно отношение к жизни как к «предприятию». От соискателя ожидают готовности к метаморфозам, в соответствии с постоянно изменяющимися потребностями рынка труда. Таким образом, «гибкость» является главным требованием при трудоустройстве, и те, кому не хватает навыков или культурного бэкграунда для того, чтобы принять правила неолиберального мышления, оказываются наказанными за несоответствие «трудовой этике». Такая политика ничуть не способствует улучшению условий на рынке неквалифицированного труда, который неконтролируемо разрастается и характеризуется прекарной занятостью.

Александр Сувалко. Может ли культура сделать из моно-стереогород? Случай г. Сатки Челябинской области

В данном докладе речь пойдет о досуговом измерении моногорода Сатка, но она не ограничится рамками рассказа о возможностях проведения свободного времени, которые предоставлены жителям города. В России 329 т. наз. моногородов, т. е. городов, где есть одно крупное градообразующее предприятие, и большинство жителей включены в работу на нем. В таких городах живет порядка 16 миллионов человек, или каждый пятый городской житель России. В г. Сатка проживает ок. 46 000 человек. Город поделен на две части: старую и новую, окружен отвалами из породы, которая теперь перерабатывается на щебенку, и производит, помимо прочего, крайне депрессивную атмосферу. В городе нет ни одной кофейни и ни одного бара/пивной для рабочих. Отдельного рассмотрения заслуживала бы тема спорта – форма городского досуга, которая не является для города проблемной. Доклад будет состоять из 4-х частей: 1) Советская инфраструктура (библиотеки, дома культуры): ценное наследие погибшей страны или «культурное» проклятье? 2) Музеи и выставочные площадки: церковь, ставшая музеем; влияние эзотерических учений (Шри Чинмой) на выставочные площадки; коллекционеры и их отношения с городскими властями; 3) Борьба двух эстетических парадигм: давление высокой культуры со стороны градообразующего предприятия vs low-brow culture местного предпринимателя; 4) Репрезентация истории индустриального города? Пока немецкая индустриальная культура продается на туристическом рынке, советский опыт описывается через историю репрессий.

Alexander Suvalko. Can a single-industry town be transformed through culture into a double-industry town? The case of Satka, Chelyabinsk oblast)

The focus of this report is an in-depth case study of the monotown Satka and its leisure activities. Satka is one of 329 monotowns throughout Russia. Monotowns are towns the economy of which is dominated by a single industry or a single company in which most of the town's residents work. About 16 million people in Russia (one in five urban dwellers) live in monotowns. The town Satka is home to 46000 people. It is divided into two parts, the old part of the city and the new part of the city, and is surrounded by stones and rocks which are processed into gravel by the workers of the town. The town has a unique atmosphere which one might call depressing; there are no coffee shops or bars for the workers, although there are leisure possibilities in the realm of sports and recreation. Our report will consist of four parts, each dedicated to various leisure possibilities in Satka:

1) Soviet infrastructure (libraries, cultural centres), 2) Museums and exhibition spaces, 3) The aesthetic struggle between two paradigms: high culture vs low-brow culture, 4) Representations of the industrial history of the city.

4rd panel

Потребление и субъективность Consumption and Subjectivity

Manola Antonioli. Le stade esthétique de la production/con- **sommation**

Dans sa critique acérée de la «société de consommation», Jean Baudrillard (1970) consacrait un chapitre de son ouvrage au «Drame des loisirs ou l'impossibilité de perdre son temps», où il analysait la place privilégiée et paradoxale occupée par le Temps dans l'organisation de la production/consommation des sociétés industrialisées: «Il n'y a bien sûr pas plus d'égalité des chances, de démocratie du temps libre qu'il n'y en a pour les autres biens et services» (p. 238). La qualité du «temps libre» devient notamment la marque distinctive d'un individu, d'une catégorie socio-professionnelle, le signe de «distinction» au sens utilisé par Pierre Bourdieu (1979). La mythologie contemporaine du temps libre et des «loisirs» est fondée sur le désir illusoire de «restituer au temps sa valeur d'usage» pour le «remplir» d'une liberté individuelle retrouvée en dehors des contraintes de la production et du travail. Mais ce temps «libre» doit d'emblée être investi et réinvesti dans des activités de consommation (voyages, tourisme, activités culturelles et sportives), qui font du loisir le lieu d'un drame, de contradictions insolubles: «Son espérance violente de liberté témoigne de la puissance du système de contraintes, qui n'est nulle part aussi totale, précisément, qu'au niveau du temps» (p. 240) La valeur d'échange du temps n'épargne donc pas (loin de là) les loisirs, qui reproduisent incessamment le temps comme force productive. Baudrillard (1976) reprendra cette réflexion et dénoncera l'omniprésence du travail comme paradigme de toute activité humaine, «structure d'accueil mobile, polyvalente, intermittente, indifférente à quelque objectif que ce soit» (p. 28) et qui envahit la vie de chacun même (et surtout) sous la forme de loisir. En travaillant sur sa théorie du simulacre, Baudrillard (1981) analysera aussi (bien avant d'autres observateurs du monde contemporain)

le devenir-parc-d'attraction de nos villes (devenir qui a fait l'objet, en été 2010, de la remarquable exposition au Centre Pompidou «Dreamlands. Des parcs d'attraction aux cités du futur»): Disneyland est ainsi à ses yeux le «modèle parfait de tous les ordres de simulacres enchevêtrés» (le texte est de 1978), monde imaginaire qui reflète tous les paradoxes de l'Amérique réelle, enclave destinée à faire oublier que tout le monde qui l'entoure n'est déjà plus du «réel» mais appartient à l'ordre de l'hyperréel et de la simulation. Cette analyse de l'«incantation urbaine» produite par les «centrales imaginaires» de Los Angeles pourrait être élargie à d'autres villes, à une grande partie des «villes-mondes» contemporaines : Las Vegas, ville dont la vie est rythmée par les exigences de l'entertainment et l'architecture thématique et spectaculaire (Begout, 2002), ou encore Dubaï, «Las Vegas flottant sur l'eau», lieu de «la translation d'une culture vidée de son contenu et la transplantation d'une nature sans nature», ville tout entière vouée au tourisme et aux «services d'ambiance» (postface de F. Cusset à Davis, 2007). Plus récemment, Gilles Lipovetsky et Jean Serroy (2013) ont étudié et théorisé l'univers esthétique proliférant produit par un capitalisme artiste qui charge de séduction les produits de consommation, le design, la mode, le cinéma, etc.: la production/consommation prend ainsi de plus en plus et de plus en plus globalement le visage des loisirs. Ma communication s'attachera à explorer quelques figures contemporaines du capitalisme artiste, notamment dans les domaines du design et du city branding.

- Auge, M. (1997) L'Impossible voyage. Le tourisme et ses images. Paris: Payot & Rivages.*
- Baudrillard, J. (1970) La Société de consommation. Paris: Denoël.*
- Baudrillard, J. (1976) L'Echange symbolique et la mort. Paris: Gallimard.*
- Baudrillard, J. (1981) Simulacres et simulations, Paris: Galilée.*
- Begout, B. (2002) Zéropolis. L'expérience de Las Vegas. Paris: Allia.*
- Bourdieu, P. (1979), La Distinction. Paris: Seuil.*
- Davis, M. (2007) Le Stade Dubaï du capitalisme. Paris: Les Prairies ordinaires.*
- Dreamlands (2010). Catalogue de l'exposition (dir. D. Ottinger et Q. Bajac). Paris: Centre Pompidou.*
- Lipovetsky G. et Serroy, J. (2013) L'esthétisation du monde. Paris: Gallimard.*
- Lussault, M. (2007) L'Homme spatial. Paris: Seuil.*
- Lussault, M. (2013) L'Avènement du monde. Paris: Seuil.*
- Menger, P.-M. (2002) Portrait de l'artiste en travailleur. Paris: Seuil.*

Manola Antonioli. The aesthetic stage of production/consumption

In his sharp critique of consumer society, Jean Baudrillard (1970) analyzes the paradox of the privileged place allocated to time in the organization of production/consumption in industrial society. He noted that the distribution of chances for free time is as skewed as the distribution of other types of welfare. The quality of «free time» is a distinguishing feature of an individual, indicative of his/her socio-professional status, a kind of «distinction» (Bourdieu, 1979). Contemporary myths about free time and leisure are based on an illusory desire to «return use value to time» with the purpose of filling time with personal freedoms which lie beyond production and labor. Yet this «free» time should be reinvested and dedicated to various types of consumer activity: trips, tourism, culture, sports. Leisure becomes a field of dramatic contradictions, as individuals turn their hope towards freedom and thus towards a system of compulsions typical for the category of «time» today. Thus leisure also becomes a category of costs and production. Baudrillard touches upon this theme in a later work (1976) and denounces the omnipresent nature of labor as a paradigm for all types of human activity, which permeates the life of every individual in the form of leisure. While working on his theory of simulacrum, Baudrillard (1981) also analyzed the transformation of cities into amusement parks. Disneyland, as he posits, is an ideal model for all complex simulational orders – it is an imagined world which reflects all the paradoxes of real America, an enclave for forgetting that the outside world is no longer «real» but belongs to an order of hyperreality and simulation. This analysis of the magic of the city could be applied to other cities, including Las Vegas, which lives in a rhythm of entertainment and showy architecture, or Dubai, which is dubbed «Las Vegas on the water» and a place of «transmission of culture without content and nature without nature», dedicated entirely to tourism and «ambiance» (Davis, 2007). Lipovetsky and Serroy (2013) built a theory about the growing world of aesthetics, produced by «art capitalism», which creates appealing products in design, fashion, cinema and so on. Production/consumption are increasingly taken to be the manifestations of leisure. In my paper I will focus on a few key figures of «art capitalism», especially those in the spheres of design and city-branding.

Манола Антониоли. Эстетическая стадия производства/ потребления

Резко критикуя «общество потребления», Жан Бодрийяр (Baudrillard, 1970) посвятил главу своей книги «Драма досуга или невозможность убить время» анализу той привилегированной и парадоксальной роли, какую играет время в организации производства/потребления в индустриальных обществах: «Существует, конечно, не больше равенства шансов, демократии в отношении свободного времени, чем в отношении всех других благ и услуг». Качество «свободного времени» является отличительной чертой индивида, социально-профессиональной категории, знаком «различия» (в смысле Пьера Бурдьё (Bourdieu, 1979). Современная мифология свободного времени и «досуга» основана на иллюзорном желании «вернуть времени его потребительную стоимость» для заполнения его личной свободой, обретенной вне принуждения, налагаемого производством и работой. Но данное «свободное» время должно быть немедленно вложено и реинвестировано в различные типы потребительской деятельности: путешествия, туризм, культуру, спорт... Досуг превращается в поле драматических неразрешимых противоречий: «Горячая надежда на свободу свидетельствует о силе системы принуждений, которая нигде не является такой поистине тотальной, как на уровне времени». Таким образом, оказывается невозможным уберечь досуг от превращения в меновую стоимость, которая неизменно воспроизводит время в качестве производительной силы. Бодрийяр возвращается к этой теме (Baudrillard, 1976) и осуждает вездесущий характер труда как парадигмы для всех видов человеческой деятельности, «подвижной, поливалентной, прерывистой структуры интеграции, безразличной к какой бы то ни было цели, занятой лишь тем, чтобы поместить каждого в социальную сеть», и которая вторгается в жизнь каждого человека даже (если не главным образом) под видом досуга. Работая над своей теорией симулякра, Бодрийяр (Baudrillard, 1981) также анализирует (прежде других исследователей) превращение наших городов в парки аттракционов (этому процессу была посвящена замечательная выставка в Центре Помпиду (Dreamlands, 2010)): Диснейленд, по его мнению, – «идеальная модель всех перепутанных симуляционных порядков» (текст написан в 1978 г.), воображаемый мир, который отражает все парадоксы реальной Америки, анклав, предназначенный для того, чтобы заставить забыть, что весь окружающий мир уже более не «реален», а принадлежит к порядку гиперреальности и симуляции. Этот анализ «магии города»,

созданного «концернами воображаемого» в Лос-Анджелесе, может быть применен к другим городам, в том числе, к большинству современных «городов-миров»: к Лас-Вегасу, городу, живущему в ритме требований развлечения и программно-броской архитектуры, или к Дубаю, «Лас-Вегасу на воде», месту «трансляции культуры, лишенной своего содержания, и трансплантации природы без природы», городу, полностью преданному услугам туризма и «амбьянса» (Ф. Кюссе в послесловии к Davis, 2007). Совсем недавно Жиль Липовецкий и Жан Серруа (Lipovetsky & Serroy, 2013) построили теорию разрастающегося эстетического мира, произведенного художественным капитализмом, делающим продукты потребления, дизайна, моды, кино и т. д. соблазнительными. Производство/потребление все более и более тотально становятся олицетворением досуга. В представленном докладе предполагается уделить внимание нескольким современным фигурам художественного капитализма, в первую очередь в области дизайна и брендинга городов.

Анна Григорьева. Протест как досуг? Дискурсы сопротивления (нео)либерального городского протеста

Современный городской протест связан с последней волной мирового кризиса 2008 г., а в России – с последствиями этого кризиса для российской экономики. Цель данного исследования, во-первых, понять, существует ли определенный универсальный «протестный сценарий» и насколько этот сценарий применим к российской действительности, во-вторых, описать и зафиксировать происходящую культур-социальную трансформацию протестных практик исходя из возможности публичных пространств современного российского мегаполиса. Во внимание берется опыт российских постэлекторальных протестных движений 2011-2012 гг. (Бикбов, 2012; Волков, 2012). Основная цель доклада – представить картину современного состояния России с точки зрения культурных практик, которые применяются в рамках действий представителей гражданского общества (Куренной, 2012). Протест рассматривается с точки зрения неолиберальных дискурсов (Soja, 1997; Harvey, 2012), находящих отражение в пространстве современного города. Дискурс-анализ используется как базовая методология для прочтения языка лозунгов (Романов, 2009) в соотношении с идеологическим языком власти. В докладе предполагается осуществить анализ визуальных и социальных практик, сюжетов разворачивания протеста в пространстве города, а также анализ процессов, связанных с переоценкой представлений о роли труда и досуга в современном российском обществе. Планируется дать ответы на следующие исследовательские вопросы:

- Посредством каких механизмов западные практики протеста находят реализацию в российских протестных движениях?
- Каковы главные (нео)либеральные основания возникновения практик протеста в современном обществе?
- Каковы основные элементы взаимодействия национального прошлого и современных практик протеста (социкультурный и исторический аспекты)?

Harvey, D. (2012) Rebel Cities: from the right to the city to the urban revolution. London: Verso.

Soja, E. (2000) Postmetropolis : critical studies of cities and regions. Oxford: Blackwell.

Бикбов, А. (2012) Представительство и самоуполномочение (по материалам исследования НИИ митингов, декабрь 2011 – июнь 2012 г.). Логос. 88.

- Волков, Д. (2012) *Протестное движение в России глазами его лидеров и активистов. Вестник общественного мнения.* 34.
- Волков, Д. (2012) *Протестные митинги в России конца 2011 – начала 2012 гг.: запрос на модернизацию политических институтов. Вестник общественного мнения.* 2.
- Куренной, В. (2012) *Новая городская романтика. Логос.* 2 (86).
- Ярская-Смирновая, Е., и др., ред. (2007) *Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность* Саратов: Научная книга.
- Ярская-Смирновая, Е., Романов, П., ред. (2009) *Визуальная антропология: настройка оптики.* М.: Вариант, ЦСПГИ.

Anna Grigorieva. Protest as leisure? On resistance discourses of the (neo)liberal urban protest

Modern urban political protest is connected to the last wave of the financial crisis in 2007-2008, and the consequences the crisis for the Russian economy today. In my report I will first attempt to understand if there is any «universal protest pattern» and whether it is applicable to Russian society, and, secondly, to describe and analyze cultural and social trends of protest practices according to the possibilities of modern Russian metropolises. The case study used in this report are the Russian post-electoral protests of 2011-2012 (Bikbov, 2012; Volkov, 2012). In this research, we focus on the creative process which accompanies contemporary political movements among active civil society members of Russia (Volkov, 2012). The protests are analyzed from the standpoint of neoliberal discourses (Soja, 1997; Harvey, 2012) represented in the space of the modern city. In this research, we attempt to analyze visual and cultural aspects of social protests (Kurennoj, 2012), plots of protests in urban public space, and, as a consequence, the changes in roles of leisure and labor and their relationship.

This paper answers the following questions:

What are the mechanisms by which European protest patterns are represented in Russian protests of 2011 – 2012?

Can we state that modern political protests are caused by contemporary (neo) liberal discourses? How are a state's national history and contemporary protest practices related?

Stefano Pelaggi. Gaze on pleasure: leisure as a key factor on youth mobility and brain drain. A case history on Russians students in Roma

The research focuses on the analysis of skilled migration from Russia to other countries. The choice of highly qualified young people to study and live abroad is often based on the same indicators used to choose a destination for a trip or a vacation. Leisure, a tolerant environment, cultural opportunities and entertainment are among the reasons for the abandonment of the country of origin. Labour, knowledge and leisure overlap on this point, the lack of an adequate conception of leisure and networks built to promote cultural offerings may cause the leak of students and young skilled workers. The «diasporic communities» can be considered part of the global ethnoscape (Appadurai, 1996), in some cases it is moved only by a professional temporary need (like expats), in other more frequent cases the diaspora is just temporary and experiential, just driven by leisure. The temporary escape of European high society while facing the growth of social control generated by the strengthening of central power and the rise of bureaucracy aside with the studies made by Urry (1990) on Foucault's (1963) concept of the «gaze» applied to tourism, based on a narcissistic subject in which we can find a deterministic link between self and society will be used as framework for the research. Studies on creative classes (Florida, 2002) demonstrate the importance of those indicators in the retention of high skilled workers as well as the value of creative capital in the economy nowadays. The idea of conflict is often not considered in the theoretical issues of Florida. The concept of hegemony in the Gramsci interpretation as a domination through the shaping of popular consent will be used as a counterpart in the research. The Cultural Studies theory that focused on the needs of minor changes for the hegemonic ideology in order to control the natural instability and discontinuity of modern capitalism will provide a framework for theoretical issues on creative class. The recent studies on creative class focus on the Anglo-Saxon world, and most of the indicators are not useful for research purposes in the Italian or Russian society. This is why our research is based on the empirical verification of the connection between pleasure, leisure and the choice of life abroad through a set of interviews to Russian students currently living in Rome. The in-depth interviews underline three levels of the complex relationship between Russians students abroad, country of origin and the reason behind the choice of an Italian city: a) affiliation; b) conflict; c) creative exit strategy. The cultural analysis of the interviews will try to extract and relate practices and discourse. The historical context will pro-

vide the framework for a possible solution to the problem, in the perspective of the Russians «raison d'État», in particular the experience of the Italian diasporic communities in the 18th and 19th centuries and Chinese experience in the last century can be interesting. The Chinese case illustrates how the choice to allow students to leave the country has proved successful today. The phenomenon of «haigui», the sea turtles, that come back from overseas to the homeland with their knowledge and experience after decades, and Italy's attempt to fight the brain drain gives an interesting perspective to the study, showing the ineffectiveness of any measures. The perspective of youth who are escaping political and social pressure (Agamben, 2012) and facing the flexibility of the new creative industries which expose them to social uncertainty will be analysed through the framework of cognitive capitalism. The use of the network as a way to organize the weak ties (Granovetter, 1974) in the interpretation of Enzo Rullani (2004) may be the only viable solution for the subjects who are facing a new rhetoric of self-realization and professionalism to increase the ability to affect a change of life perspective.

Agamben, G. (2012) Opus Dei: archeologia dell'ufficio. Torino: Bollati Boringhieri.

Appadurai, A. (1996) Modernity at large: cultural dimensions of globalization. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Florida, R. (2002) The rise of the creative class: and how it's transforming work, leisure, community and everyday life. New York : Basic Books.

Foucault, M. (1963) Naissance de la clinique. Une archéologie du regard médical. Paris: PUF.

Granovetter, M. (1974) Getting a job: a study of contacts and careers. Cambridge, Mass.: Harvard UP.

Prandstraller, F. (2009) Creatività in rete: l'uso strategico delle ICT per la nuova economia dei servizi. Milano: Angeli.

Rullani, E. (2004) Economia della conoscenza. Creatività e valore nel capitalismo delle reti. Roma: Carocci.

Urry, J. (1990) The tourist gaze : leisure and travel in contemporary societies. London: Sage.

Стефано Пеладжи. Взгляд на удовольствие: досуг как ключевой фактор молодежной мобильности и утечки мозгов. Кейс русских студентов в Риме

Данное исследование анализирует квалифицированную миграцию из России в другие страны. Выбор высоко квалифицированных молодых людей учиться и жить за границей часто основан на тех же критериях, которые используются для определения направления туристической поездки или отпуска. Отдых, благоприятная атмосфера, культурные возможности, досуг и развлечения – таковы причины перемещения в ту или иную страну, регион. Труд, знание и досуг пересекаются в этой точке, нехватка адекватного досуга и сетей, стимулирующих культурное предложение, могут способствовать утечке студентов и молодых квалифицированных работников. «Мигрантские диаспоры» могут рассматриваться как часть глобальной этносистемы (Arradurai, 1996), в ряде случаев их образование обусловлено только временной профессиональной необходимостью («экспаты»), чаще же диаспора – временное сообщество, основанное на общем опыте и, прежде всего, на совместном досуге. Временное бегство европейской элиты, вызванное возрастающим социальным контролем, усилением центральной власти и ростом бюрократии, наряду с разработками Урри (1990), применившего концепцию «взгляда» Фуко (Foucault, 1963) к индустрии туризма, где нарциссический субъект составляет связь между самостью и обществом, послужат рамкой для данного исследования. Исследования креативного класса (Florida, 2002) продемонстрировали важность этих факторов для удержания высококвалифицированных работников, а также общее значение креативного капитала в современной экономике. Однако конфликтности у Флориды в основном внимание не уделяется. В качестве теоретического контрагента будет использована концепция «гегемонии» у Грамши. Теория Cultural Studies, с ее фокусом на необходимости минимальных изменений гегемонической идеологии для контроля над естественной нестабильностью и неравномерностью развития современного капитализма, предоставляет теоретическую рамку для рассуждения о креативном классе. Последние посвященные ему исследования сконцентрированы на англо-саксонском мире, и большинство показателей бесполезны для исследований в итальянском и русском обществах.

Вторая часть данного исследования посвящена эмпирической верификации связи между удовольствием, досугом и выбором жизни за границей – на

материалах интервью с русскими студентами в Риме. Интервью показывают три уровня в сложных отношениях между русскими студентами за рубежом, страной происхождения и критериями выбора того или иного итальянского города: а) аффилиацию; б) конфликты; в) творческие стратегии выхода. Культурный анализ интервью будет направлен на уяснение отношений между реальными практиками и дискурсами. Исторический контекст обозначит рамку для возможных решений проблемы с точки зрения «*raison d'État*» русских, в частности – опыт итальянских сообществ XVIII и XIX веков. Китайский опыт последнего столетия также может оказаться здесь интересным. Он демонстрирует, насколько предоставление студентам возможности покинуть страну оказалось успешной стратегией. Феномен «*haigui*» – морских черепах, которые возвращаются из дальних стран в родные места со знанием и опытом спустя десятилетия, и попытки итальянцев бороться с утечкой мозгов создают интересное поле для исследования, свидетельствующее о неэффективности каких-либо мер. Перспективы молодых людей, избегающих политического и социального давления (Agamben, 2012) и сталкивающихся с требованием «гибкости» в новых креативных индустриях и, как следствие, с социальной неопределенностью, будут проанализированы в контексте когнитивного капитализма. Использование сетей как способа организовать слабые связи (Granovetter, 1974) в толковании Э. Руллани (Rullani, 2004) может оказаться единственным достойным решением для субъектов, которые сталкиваются с новой риторикой самореализации и профессионализации для расширения возможностей изменения собственной жизненной перспективы.

Алина Волынская. Пейзажи разрухи: эстетизация промышленного упадка

Декларированный переход к эпохе когнитивного капитализма, обществу досуга и знания, сопровождается переосмыслением индустриального прошлого, которое отражается и в политических программах, и в живых культурных практиках, которые спонтанно формируются вокруг реликтов «старой цивилизации». Я рассмотрю культурные практики, складывающиеся вокруг заброшенных индустриальных городов бывшего СССР. Как правило, это поселки городского типа (Кадыкчан, ХальмерЮ, Иультин и др.), которые были построены в 1940-60-х годах вокруг градообразующих предприятий – шахт по добыче, угля, руды, нефти. В середине 90-х гг. предприятия были признаны нерентабельными, производство на них остановлено, и местные жители были вынуждены переселиться в другие места. В то время как государство провозгласило курс на модернизацию (и в частности на реорганизацию крупных индустриальных предприятий), реальное положение дел (консервация) оказывается за скобками политической риторики. Тем временем заброшенные города, после десятилетия законсервированного состояния, стали туристическими объектами и вполне органично вписались в перспективу общества потребления, досуга и свободного времени. Глобальный тренд эстетизации легко распространяется и на экономику, которая теперь учитывает стремление покупать не просто товар, но стиль жизни, и на экологию с ее идеалом естественной красоты, и на пост-индустриальные пейзажи запустения и упадка. По сети циркулируют подчеркнута эстетизированные фотографии с тэгами «post-industrial», «тлен», «упадок», создается все больше интернет-сообществ, посвященных разрухе, и все более активно развивается индустриальный туризм – полулегальные практики посещения опустевших городов. Логика превращения заброшенных индустриальных объектов в места притяжения туристов вполне естественна для постиндустриального общества (трансформация фабрик и заводов в лофты, музеи и креативные пространства, джентрификация и т. д.). Однако заброшенные города превращаются туристический объект спонтанно, «снизу» – именно отсутствие экономической подоплеки и глянцевого флера придает им искомую аутентичность, превращает их в эстетический объект и тем самым вводит в «экономику впечатлений». Новые туристические практики оказываются оппозицией устойчивым формам туризма и проведения свободного времени. Индустриальный туризм становится формой отказа от рая потребления, который обещают традиционные туристические

сервисы (вроде турецких отелей all inclusive), реакцией на господствующую риторику модернизации и процветания. Эстетизация заброшенных городов связана с определенным градусом ностальгии по утерянному (советскому/индустриальному) прошлому. Заброшенные города становятся местами памяти – одним из немногих материальных свидетельств произошедшего разрыва, останками перехода от трудовой (индустриальной) цивилизации к новой цивилизации досуга. И пока государство провозглашает политику модернизации, своеобразной альтернативой официальной программе спасения становится отказ от риторики процветания и наслаждение «трудовыми останками» – разумеется, на досуге.

Alina Volynskaya. Landscape of Ruin: Towards Aestheticization of Industrial Decay

Declarations of the transition to an epoch of cognitive capitalism and societies of knowledge and leisure must be accompanied by a rethinking of our industrial past. This history of labour and industry is manifested not only in old political programs, but also in cultural practices which form around relics of «old civilizations». This paper looks at cultural practices which form on sites of Soviet industrial towns. These urban-type settlements, such as Kadychkan, Khalmer-Yu and Iultin were built in the 1940-60s around specific industries such as mines. In the mid-1990s many such industries became no longer profitable, the factories and mines were closed and workers left the towns in search of new employment. Officials did not include conservation of old sites in their plan. In the meantime, abandoned industrial towns have become tourist destinations and thus have been incorporated into a new society of leisure, consumption and tourism. This new economy centers on consumption of lifestyle and ecology, as well as aesthetics of decay. This type of consumption can be seen in aestheticized photographs online of old factories with hashtags like «post-industrial», «decay», «degradation» and in internet communities dedicated to exploring such decaying sites. Semi-legal trips to abandoned towns and factories, are also on the rise. These tourist practices stand in opposition to mainstream tourism and leisure activities. This paper will show how industrial tourism is becoming a form of denunciation of cultures of consumption propagated by more traditional tourist services, as well as a form of protest against rhetoric of modernization and prosperity. The paper will also touch upon nostalgia, the topic of sites of remembrance and historical memory, and the transition of the industrial economy to an economy and civilization of leisure.

Анна Зудина. Формальные и неформальные работники на российском рынке труда: сравнительный анализ самооценок социального статуса

В современном мире сфера занятости остается одной из ключевых областей, определяющих особенности формирования самоидентификации человека, выстраивания его социальных связей, интеграции в общество. Одним из исследовательских направлений, отмечающих ключевую роль профессии и сферы занятости, являются исследования социальной стратификации. Профессия и занятие составляют не только часть объективного социального статуса индивида, но и его представления о своем месте в обществе, т. е. самооценки социального статуса (Centers, 1949; Goldman et al., 2005; Lindemann, 2007; Gross, 2003). Однако такая важная характеристика современной занятости, как ее (не)формальный характер пока мало рассматривалась в литературе, посвященной изучению факторов субъективного социального статуса. Между тем данное направление изучения становится все более перспективным по мере того, как уровень неформальной занятости возрастает во многих странах (Perry et al., 2007; Andrews et al., 2011) и изучение ее последствий для социально-экономического положения вовлеченных в нее работников становится более актуальным. Категория неформальной занятости включает весьма неоднородные виды деятельности. В то время как предшествующие исследования были сосредоточены на изучении отдельных, не связанных друг с другом показателей, что затрудняло сопоставление полученных результатов, в настоящем исследовании предлагается новый подход, основанный на изучении различных показателей субъективного социального статуса. Тем самым предпринимается попытка расширить рамки анализа при помощи показателей, которые могут более полно охватить все многообразие возможных последствий неформальной занятости для социального положения работников. Исходная гипотеза в рамках данного исследования заключается в том, что деление на формальную и неформальную занятость в России дифференцирует работников по субъективному социальному статусу. Согласно ей, неформальные работники отличаются более низким уровнем самооценок социального статуса на фоне более благополучных представителей формальной занятости. Тем самым неформальность на рынке труда выступает стратифицирующим (и «понижающим») механизмом, «разносящим» индивидов по разным ступеням социальной лестницы, но расположенным ниже базового

уровня для формальных работников. В настоящей работе представлены результаты эмпирического исследования субъективного социального статуса неформальных работников в России в 2000-2010 гг. по данным РМЭЗ-ВШЭ. Панельный характер данных позволил проанализировать перемещения работников на рынке труда и связанные с ними изменения в субъективном социальном статусе. Мы проанализировали динамику средних самооценок социального статуса различных категорий неформальных работников (самозанятых, неформальных наемных работников, нерегулярно занятых) на протяжении 2000-х гг., провели сравнение с показателями формальных работников, безработных и представителей экономически неактивного населения. Особое внимание мы уделили изучению типа неформальной занятости как фактора формирования субъективного социального статуса с использованием различных эконометрических методов. Проведенный пошаговый анализ взаимосвязи между неформальной занятостью и самооценками социального положения вновь подчеркнул внутреннюю неоднородность неформальной занятости. Были выявлены значимые изменения в самооценках самозанятых при переходе из состояния формальной занятости, которые оказываются характерны в большей степени для мужчин. Значимая динамика в самооценках неформальных работников по найму отсутствует. Самооценки нерегулярных работников не поддаются более глубокому анализу из-за отсутствия всех данных, однако они представляются наиболее уязвимой категорией неформальной занятости, т. к. их самооценки падают больше всего. Однако важно подчеркнуть, что размер выявленных различий во всех описываемых случаях очень мал. Таким образом, у нас нет оснований говорить о том, что на российском рынке труда неформальность выступает одним из механизмов социальной стратификации, относя неформальных работников к людям «второго сорта». Отсутствие значимых различий между самооценками большей части неформальных и формальных работников, небольшой размер эффекта перехода в различные состояния неформальной занятости из формальной, близкий средний уровень самооценок всех статусов на рынке труда не позволяют говорить о наличии четко отделенных друг от друга социально-экономических групп, а значит – и о выраженной связи между неформальной занятостью и социальной стратификацией российского общества. Тем самым исходная исследовательская гипотеза о формировании сегментированного рынка на фоне наблюдавшегося в России в 2000-е гг. экономического роста не получает поддержки в данных о субъективном статусе. Полученные результаты являются

не столько характеристикой неформальной занятости на российском рынке труда, сколько индикатором качества институтов формального сектора, ведь формальный сектор в восприятии работающего населения не связывается ни с возможностями улучшить свое благосостояние, ни с системой социальной защиты.

Andrews, D., Caldera Sánchez, A., Johansson, A. (2011) Towards a Better Understanding of the Informal Economy. Organization for Economic Co-operation and Development. Economic Department Working Paper Series. ECO/WKP 873:42.

Centers, R. (1949) The Psychology of Social Classes: A Study of Class Consciousness. Princeton UP.

Goldman, N., Cornman, J., Chang, M. (2002) Measuring Subjective Social Status: A Case Study of Older Taiwanese. Office of Population Research Working paper series. 02. Princeton UP.

Gross, M. (2003) Educational Systems and Perceived Social Inequality: The Institutional Base for Class Formation. European Societies. 2:5.

Lindemann K. (2007) The Impact of Objective Characteristics on Subjective Social Position. Trames. 11.

Perry, G., Maloney, W., Arias, O., Fajnzylber, P., Mason, A., Saavedra-Chanduvi, J. (2007) Informality: Exit and Exclusion. Latin America and the Caribbean Studies Report. Washington,DC: The World Bank.

Anna Zudina. Formal and informal workers on the Russian labour market: comparative analysis of subjective social status

This article addresses the elaboration of a new approach to informal employment research based on the analysis of subjective social status. In spite of numerous studies conducted for the past 40 years, many blank spots exist in the field of informal employment research. The heterogeneous character of activities incorporated into the concept of «informality» defines the ambiguity of its impact on economy and society. Thus little is actually known about the socioeconomic position of informal workers and the nature of informal employment. Is informality a kind of stratifying mechanism embedded in the social structure that changes the position of the informally employed? The so-called «direct» approach based on the analysis of levels of income was considered to be an inappropriate framework and thus indicated that the consequences of informal employment need to be further analyzed together with indirect – subjective – measures. This paper discusses methodological issues and presents results concerning the subjective social position of informally employed workers in contrast to formal workers, unemployed and the economically inactive population. The study was carried out on the basis of a large nationally representative panel: the Russia Longitudinal Monitoring Survey of the Higher School of Economics (RLMS-HSE) for the years 2000-2010. The existence of three-tier informal employment in Russia is revealed, with self-employment being slightly better off than formal employment and informal wage and salary work. No significant difference between informal wage and salary work and formal employment in terms of subjective social status is found. Thus we can suppose that the difference between types of employment is not embedded in social structure at all. Taken as an indirect indicator of the quality of Russian formal employment, this could point to the great weakness of labor market institutions and the idle channels of social mobility of Russian formal employment.

Зинаида Васильева. «У меня каждый раз хобби перерастает в профессию...»: самодеятельность в научно-технической среде в позднесоветском и постсоветском обществе

В биографических рассказах представителей научно-технических профессий большое внимание уделяется практикам, не связанным напрямую с их основной трудовой деятельностью, однако зачастую мобиливающим их профессиональные знания и компетенции. Разнообразные хобби, занятия и увлечения часто мотивируются сходным образом: «Мне всё было интересно!». Что стоит за высказываниями, вплетающими официальный культ знания и активной жизненной позиции в интимный мир субъекта? Можно ли полагать стремление к деятельной самоорганизации специфической чертой «советской культурности» и что стало с этим типом социального поведения в постсоветскую эпоху? Как соотносятся между собой экономически вознаграждаемые и не вознаграждаемые виды деятельности? Каковы условия перехода из одной сферы в другую? – эти вопросы будут раскрыты в докладе с опорой на корпус биографических интервью с представителями научно-технических профессий, родившимися в СССР в 1950-70х годах. Повторяющийся мотив биографических нарративов – декларируемая субъективная потребность в активном производстве себя вовне на различных творческих поприщах. Репертуар непрофессиональных видов деятельности напоминает чтение научно-популярного журнала, на страницах которого читатель беспрепятственно переходит из мира природы к научно-техническим достижениям, из творческой мастерской в научную лабораторию и далее – в воображаемые миры научной фантастики. Более того, в жизненном мире этих людей время и место работы и досуга едва ли поддаются различению. С одной стороны, многие нередко засиживаются допоздна на рабочем месте, а с другой стороны, шить палатки или рюкзаки для предстоящего похода из подручных и (!) казенных материалов не считается зазорным. Исторический контекст позднего социализма представляется благоприятной средой для самореализации во внеэкономических сферах: всеобщая занятость гарантировала минимальное материальное благополучие при столь же минимальных трудовых обязательствах. В рассказах информантов работа как место основного заработка уступает по значимости многочисленным хобби, которым субъективно придается большее значение как важным пространствам социализации и творчества. Характерной чертой инженерной

самодетельности оказывается также стремление к оптимальной организации своего труда, в том числе творческого. Рациональное/оптимальное решение может одновременно осмысляться как «красивое», максимально реализующее заложенный потенциал и предоставляющее уникальные ощущения. Существенно, что в большинстве случаев взаимодействие миров работы и хобби происходит бесконфликтно и редко влечет полную профессиональную переориентацию. Переходы из одной сферы занятости в другую оказываются более частыми в постсоветское время, когда временные затраты начинают коррелировать с экономической прибылью.

Краткие сведения об участниках¹ / Bio-bibliography of participants²

¹Участники построены по латинскому/английскому алфавиту. Как правило, дается лишь избранная библиография: либо недавние публикации, либо непосредственно связанные с проблематикой конференции.

²The participants are ranged here according to Latin/English alphabet. The bibliography mentions mostly only selected items, either relevant for the problematics of the conference or published recently.

Manola Antonioli

Манола Антониоли

antonioli.manola@wanadoo.fr

Professeur de théorie du design et de l'architecture à l'École Nationale Supérieure d'Art de Dijon, maître assistant associé à l'École Nationale Supérieure d'architecture de Versailles (philosophie de l'architecture et de l'urbain).

Intérêts scientifiques: théorie du design, esthétique, architecture et urbanisme; l'écosophie et de l'imagination environnementale.

Professor of Theory of Design and Architecture at National Higher School of Art in Dijon, Senior Associate Lecturer at National Higher School of Architecture in Versailles (philosophy of architecture and urbanism), co-director of projects of research and creation in the areas of ecosophy and environmental imagination, as well as current issues (aesthetic, philosophical and political) of the theory and practice of design.

Scientific interests: theory of design, aesthetics, architecture and urbanism; ecosophy and environmental imagination.

Coordination du dossier « La Nouvelle Fabrique du design », revue Multitudes n°53-54, septembre 2013.

Codirection du n° 81 de la revue Chimères.

Direction de l'ouvrage collectif Théories et pratiques écologiques : de l'écologie urbaine à l'imagination environnementale, Paris, Presses Universitaires de Paris Ouest, 2014.

Профессор теории дизайна и архитектуры в Высшей Национальной школе искусств в Дижоне, старший преподаватель в Высшей Национальной школе архитектуры в Версале (философия архитектуры и города).

Научные интересы: теория дизайна, эстетика, архитектура, урбанистика; экофилософия и экологическое воображение.

Payal Arora

Паяль Арора

arora@eshcc.eur.nl

Doctor in Language, Literacy and Technology (Columbia University). Assistant Professor in the Department of Media and Communication, Faculty of History, Culture and Communication, Erasmus University Rotterdam.

Scientific interests: social media; public leisure space; digital leisure; social computing; new media; international development.

Dot Com Mantra: Social Computing in the Central Himalayas. Ashgate, 2010.

The Leisure Commons: A Spatial History of Web 2.0 (in print).

with K. Sedek. «Fashion bloggers and their relation to the fashion industry».

First Monday (in print).

«Usurping Public Leisure Space for Protest: Social activism in the digital and material commons». Space & Culture (in print).

with N. Rangaswamy. «Digital leisure for development: Rethinking new media practices from the global south». Media Culture & Society (in print).

with F. Vermeylen. «The end of the art connoisseur? Experts and knowledge production in the visual arts in the digital age». Information, Communication & Society, 16:2 (2013).

Доктор по специальности «Язык, образование и технология» (Колумбийский университет). Доцент на Отделении медиа и коммуникаций, факультет истории, культуры и коммуникаций в Университете Эразма Роттердамского, Голландия.

Научные интересы: социальные медиа; публичное досуговое пространство; цифровой досуг; социальная информатика; новые медиа; международная политика развития.

Nello Barile

Нелло Бариле

nello.barile@iulm.it

Professor of Media studies and Sociology of cultural processes at IULM University of Milan. PhD in Communication sciences, resources management, and formative processes at University of Rome «La Sapienza».

Scientific interests: communication; consumption; representation and market strategies; fetishism; new media.

IperParmenide. Scienza, cultura e comunicazione al di là del postmoderno. Milano: Mimesis, 2012.

Sistema moda. Oggetti, strategie e simboli: dall'iperlusso alla società low cost. Milano: EGEA-Bocconi, 2011.

Brand New World. Il linguaggio delle marche come forma di rappresentazione del mondo. Milano: Lupetti, 2009.

«A knot to untie. A social history of tie between fetishism, communication and power», in C. Giorcelli & P. Rabinowitz (eds), *Habits of being (vol. 2)*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2012.

«Del senso delle cose. Il sistema degli oggetti dall'encyclopedie a ontopedia», in M. Pireddu, M. Serra (dir.), *Mediologia. Il cammino di una disciplina attraverso i suoi classici*. Napoli: Liguori, 2011.

«The social network», in G. Fiorentino (dir.), *Galassia Facebook. Comunicazione e vita quotidiana*. Roma: Nutrimenti, 2011.

«Network come neotot: la socialità in rete e gli avamposti di un nuovo fascismo emozionale», in C. Formenti (dir.), *Web 2.0. Un nuovo racconto e i suoi dispositivi*. Aut Aut, 347 (2010).

Профессор по теории медиа и социологии культурных процессов в Университете языков и коммуникаций в Милане (IULM). Доктор коммуникационных наук, менеджмента ресурсов и образовательных процессов (Университет Ла Сапиенца, Рим).

Научные интересы: коммуникация; потребление; репрезентация и рыночные стратегии; фетишизм; новые медиа.

Elizaveta Berezina

Елизавета Березина

eliz.berezina@gmail.com

MA student of School of Cultural Studies, HSE. Member of the research group «Labour, knowledge and leisure in postindustrial societies»
Scientific interests: sociology of knowledge, urban studies, cognitive science.

Студентка магистратуры «Прикладная культурология» отделения культурологии НИУ ВШЭ. Член научно-учебной группы «Труд, знание и досуг в постиндустриальном обществе»
Научные интересы: социология знания, urban studies, когнитивистика.

«Проект "Арт-захват"». Н. Гладких (под ред.) Творческие индустрии и креативная экономика как пространство исследовательской и проектной деятельности». М.: ИД «Классика-XXI век», 2012.

Antonella Corsani

Антонелла Корсани

antonella.corsani@univ-paris1.fr, a.corsani@samizdat.net

Enseignant-Chercheur en économie, Centre d'Économie de la Sorbonne, Maison des Sciences Économiques. Participant du programme de recherche «Métamorphose des sociétés. Inégalité-Inégalités» et du projet «L'évolution des normes d'emploi et nouvelles formes d'inégalités: vers une comparaison des zones grises?». Intérêts scientifiques: mutations du travail; métamorphose du salariat; intermittents du spectacle; capitalisme cognitif; néolibéralisme.

Lecturer-Researcher in Economics, Centre Economics in Sorbonne, School of Economics. Participant of the research programme «Metamorphosis of the societies. Inequality-Inequalities» and the project «The evolution of employment standards and new forms of inequalities: in comparison to the grey areas?». Scientific interests: transformation of labour; metamorphosis of salariat; specific character of work in performing arts; cognitive capitalism; neoliberalism.

Un salariat au-delà du salariat? (co-dir. avec M.-C. Bureau). PUN, 2012.

Intermittents et Précaires (avec M. Lazzarato). Paris : Amsterdam, 2008.

*«Économie et politique du Revenu Inconditionnel d'Existence. Un hommage à André Gorz»,
Mouvements, 73 (2013).*

«Autonomie et hétéronomie dans les marges du salariat. Les journalistes pigistes et les intermittents du spectacle porteurs de projets», Sociologie du travail, 54:4 (2012).

Преподаватель-исследователь по экономике, Центр экономики Сорбонны, факультет экономических наук. Участник исследовательской программы «Метаморфоза обществ. Неравенство-неравенства» и проекта «Эволюция правил найма и новые формы неравенств: к сравнению 'серых зон'»? Научные интересы: трансформация труда; метаморфозы найма; специфика труда работников зрелищных искусств, когнитивный капитализм и неолиберализм.

Jill Ebrey

Джил Эбри

jill.ebrey@manchester.ac.uk

PhD in sociology, Goldsmith's College. Consultant interviewer «Understanding Everyday Participation», University of Manchester and Honorary Research Fellow, Centre for Research on Socio-Cultural Change, Manchester University.

Scientific interests: analysis of everyday life, both in its moments of the mundane and of the extraordinary, the weekend as «utopia» and as «work».

(Co) Guest editor Journal of Leisure Studies, special issue on The Weekend, 2013 (in press).

«The Golden Torch revisited: a less respectable Potteries history» in T. Edensor (ed.),

Reclaiming the Potteries: Leisure and Space in Stoke-on-Trent. Staffordshire University Press, 2000.

with J. O'Connor, J. Feasibility Study for Cultural Industries Development Service. Manchester Institute for Popular Culture, 1997.

Ebrey, J. «Played in Stoke: Popular Music in Stoke», Amateur Arts in Britain. Policy Studies Institute, 1990.

Доктор социологии (PhD), Голдсмитский колледж. Консультирующий интервьюер «Understanding Everyday Participation», Манчестерский университет, и почетный научный сотрудник Центра исследований социокультурных изменений Манчестерского университета.

Научные интересы: анализ повседневной жизни в аспектах обычного и необычного, выходные дни как «утопия» и как «работа».

Galina Evstifeeva

Галина Евстифеева

gge65@mail.ru

Candidate of Sociological Sciences. Senior teacher of the chair of political science of the Vladimir branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Scientific interests: gender sociology; gender equality; sociology of unpaid work and housework.

Кандидат социологических наук. Старший преподаватель кафедры политологии Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы.

Научные интересы: гендерная социология; гендерное равенство; социология домашнего и неоплачиваемого труда.

«Неоплачиваемый труд» в гендерном измерении: Россия и страны Организации экономического сотрудничества и развития», Регионология, 3 (2012).

«Гендерная структура домашнего труда в городской семье», Регионология, 1 (2013).

Nadezhda Galieva

Надежда Галиева

galievana@gmail.com

Junior Research Fellow, Centre for Federative Research Methodology (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration).

Participated in major research projects: «Corruption in Russia» (RANEPА, 2011–2012); «Worldview of Civil Servants» (RANEPА, 2012–2013); «Liberalization of Ageing» (G. & E. Timchenko Foundation, 2012–2013); «Methodology of Sampled Monitoring Studies» (RANEPА, 2012).

Младший научный сотрудник Центра методологии федеративных исследований РАНХиГС. Принимала участие в крупных исследовательских проектах: «Коррупция в России» (РАНХиГС, 2011-2012); «Мировоззрение государственных служащих» (РАНХиГС, 2012-2013); «Либерализация старения» (Благотворительный фонд Г. и Е. Тимченко, 2012-2013); «Методология выборочных мониторинговых исследований» (РАНХиГС, 2012).

Anna Grigoryeva

Анна Григорьева

agrigoryeva@eu.spb.ru

MA in Cultural Studies (Higher School of Economics, Moscow). MA student in Sociology at the department of Political and Social Sciences at the European University in St. Petersburg. Member of the research group «Labour, knowledge and leisure in postindustrial societies» (HSE).

Scientific interests: urban studies; sociology of social movements; civil society; neo-liberal theory; labour and leisure studies; sociology of culture.

Выпускница магистратуры отделения культурологии НИУ ВШЭ. Магистрант социологии Факультета политических наук и социологии ЕУСПб. Участник научно-учебной группы «Труд, знание и досуг в постиндустриальном обществе» (НИУ ВШЭ).

Научные интересы: городские исследования (urban studies), социология общественных движений, гражданское общество, неолиберальная теория, исследования труда и досуга (labor and leisure studies), социология культуры.

«Путеводитель по Москве как часть современных медиа», Актуальные проблемы изучения медиа. Материалы научной конференции студентов и аспирантов. М.: Изд-во ГУ-ВШЭ, 2010.

Mateja Habinc

Матей Хабинц

mateja.habinc@guest.arnes.si

PhD in Ethnology (2006). Assistant professor at the Department of Ethnology and Cultural Anthropology, Faculty of Arts, University of Ljubljana.

Scientific interests: material culture; holidays; rituals; heritage; postsocialism; rural sociology.

«Community building through festivities: a case of dirty togetherness?», *Studia ethnologica Croatica*, 23 (2011).

«Les fêtes calendaires pendant et après le socialisme», *Ethnologie française*, 42:2 (2012).

PhD по этнологии (2006). Доцент отделения этнологии и культурной антропологии факультета искусств, Университета Любляны.

Научные интересы: материальная культура; праздники; ритуалы; наследие; постсоциализм; социология деревни.

Anna Ipatova

Анна Ипатова

ipatova_anna@mail.ru

PhD in Cultural Studies (2010, Lomonosov Moscow State University), MA in Sociology (2013, Moscow School of Social and Economic Sciences), MA in Linguistics (2007, Lomonosov Moscow State University). Senior Research Fellow, Centre for Federative Research Methodology (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration). Student in Sociology (MA program, University of Manchester).

Scientific interests: cultural anthropology; Russian and comparative linguistics; sociolinguistics; sociological methods; ageing.

Кандидат культурологии (2010, МГУ), магистр социологии (2013, Московская высшая школа социальных и экономических наук), магистр языкознания (2007, МГУ). Старший научный сотрудник Центра методологии федеративных исследований РАНХиГС. Студентка магистратуры по социологии, университет Манчестера. Научные интересы: культурная антропология; русское и сравнительное языкознание; социолингвистика; методы социологического исследования; поколенческие проблемы.

«Судьбы старшего поколения ивановцев», Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 3 (2013).

«Зачем современной России чиновник?», Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 1 (2013).

«Как правильно завершить телефонное интервью», Социологический журнал. 4 (2012).

с соавторами. «Выдвижение в стандартизированном интервью», Телескоп. 4 (2012).

с Д. Рогозиным. «Как быстро, эффективно и безопасно сфабриковать телефонный опрос», Социологический журнал. 2 (2012).

Vyacheslav Kombarov

Вячеслав Комбаров

vkombarov@gmail.com

PhD in Sociology. Research fellow, Institute of Economics and Industrial Engineering of Russian Academy of Science (Siberian Branch), Novosibirsk. Lecturer in Sociology and Journalism at Novosibirsk State University.

Scientific interests: economic sociology; sociology of culture; sociology of personality; post-structuralism; critical theory.

Кандидат социологических наук. Научный сотрудник Институт Экономики и ОПП СО РАН, отдел социальных проблем (Новосибирский Академгородок). Преподаватель курса «Социологическое знание в журналистике / Социальная журналистика» в Новосибирском ГУ.

Научные интересы: экономическая социология; социология культуры; социология личности; пост-структурализм, критическая теория.

*«От "деревя" к ризоме: отчуждение, экономика и труд в современной организации»,
Материалы Международного научного форума "Ломоносов-2013". М. : МАКС
Пресс, 2013.*

*Трансотчуждение как социологический феномен современности. Новосибирск:
ИЭОПП СО РАН, 2013.*

*В соавторстве. «Российское промышленное предприятие и субъект труда на нем в
контексте социологических проблем многовекторной модернизации»,
Общество и экономика, 6 (2012).*

*В соавторстве. «Субъект труда на промышленном предприятии (опыт
социологического исследования инженерно-технических работников)»,
Социологические исследования, 10 (2012).*

Inna Kushnaryova

Инна Кушнарева

inna.kushnaryova@gmail.com

MA of Philology (Moscow State University). Film critic, researcher and translator. She worked as a contributing editor in *Iskusstvo kino* (Art of cinema).

In 2012 she was awarded a prize by Russian Guild of film critics. Her articles appeared in *Iskusstvo kino*, *Logos*, *Pushkin*, *Siniy Divan*, *The Prime Russian Magazine*, *Otechestvennye Zapiski*, *The New Times*, *colta.ru*. She is a member of the editorial staff of *Logos* journal.

Scientific interests: cultural studies; film theory; history of French cinema; television studies; media theory; popular culture studies; cinephilia, theories of comedy; non-classical aesthetic categories.

Окончила филологический факультет МГУ. Кинокритик, культуролог, переводчик научной литературы (социология, философия, культурология). Работала редактором журнала *Искусство кино*. Лауреат премии Гильдии киноведов и кинокритиков России за 2012 год. Публиковалась в изданиях: «Искусство кино», «Логос», «Пушкин», «Синий диван», *The Prime Russian Magazine*, «Отечественные записки», *The New Times*, *colta.ru*. Член редколлегии журнала «Логос».

Научные интересы: культурология; история французского кинематографа; теория кино; телевидение; медиа-теория; исследования массовой культуры; синефилия; теории комического; теория неклассических эстетических категорий.

«Апофатическая криминология Нью-Йорка», Отечественные записки, 2 (2013).

«Дитя слова: Сьюзан Зонтаг», The Prime Russian Magazine, 5:14 (2012).

«Кот и Cute», Логос, 3 (2012).

«О теориях юмора и их отражении в кинематографе», The Prime Russian Magazine, 3:12 (2012).

«Ко всему приделать лайки», Логос, 2 (2012).

«Группа крови. "Сумерки. Сага"», Искусство кино, 2 (2012).

Michail Maiatsky

Михаил Маяцкий

mmaiatsky@gmail.com

PhD of Philosophy (2005, University of Fribourg, Switzerland). Professor at the Higher School of Economics, Moscow. Supervisor of the research group «Labour, knowledge and leisure in postindustrial societies». Member of the editorial staff of Logos journal.

Scientific interests: information theory; leisure studies; theory and history of media; ancient philosophy and its heritage.

Europe-les-Bains. Paris: Michalon, 2007 (in French).

Доктор философии (2005, Университет г. Фрибург, Швейцария). Профессор НИУ ВШЭ. Руководитель научно-учебной группы «Труд, знание и досуг в постиндустриальном обществе». Член редколлегии журнала Логос.

Научные интересы: теория информации; исследования досуга; теория и история медиа; античная философия и ее наследие.

Курорт Европа. Москва: Ad Marginem, 2009.

(куратор номера), «Когнитивный капитализм», спец. номер, Логос 61 (2007).

«Когнитивный капитализм, светлое будущее научного коммунизма?», Логос 61 (2007).

«Культурбунт на левом фланге»,

<http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Kul-turbunt-na-levom-flange>, 2011.

Angela McRobbie

Анджела МакРобби

a.mcrobbie@gold.ac.uk

Professor for Communications at Goldsmiths, University of London.

Current research interests: «new culture industry»; labour practices in the world of freelance; casualised creative work and micro-enterprises of creative labour such as fashion design, art-working, multi-media, curating and arts administration; feminism; youth culture.

The Aftermath of Feminism: Gender, Culture and Social Change. Los Angeles: SAGE, 2009.

The Uses of Cultural Studies. A Textbook. London: SAGE, 2005.

In the Culture Society: Art, Fashion and Popular Music. London: Routledge, 1999.

British Fashion Design: Rag Trade or Image Industry? London, Routledge, 1998.

Postmodernism and Popular Culture. London: Routledge, 1994.

Feminism and Youth Culture. N.Y.: Routledge, 1991.

Zoot Suits and Second-hand Dress. An Anthology of Fashion and Music. Basingstoke, UK:

Macmillan, 1989.

Профессор Факультета медиа и коммуникаций в Голдсмитском колледже Лондонского университета.

Научные интересы: «новая культурная индустрия»; трудовые практики в мире фриланса; практика перевода с постоянной работы на временную в креативной индустрии и на микропредприятиях креативного труда, в области дизайна одежды, в сфере искусств, мультимедиа, кураторстве и в административной работе в сфере искусства; феминизм; молодежная культура.

Darren Nixon

Даррен Никсон

D.Nixon@leedsmet.ac.uk

PhD in Sociology, MA (Econ) Applied Social Research (University of Manchester). Senior Lecturer (Sociology), School of Social, Psychological and Communication Sciences, Faculty of Health and Social Sciences, Leeds Metropolitan University. Scientific interests: labour market; job search experiences; work orientations; meaning of work; unemployment for low-skilled unemployed men in the post-industrial context.

Work, Identity & Economic Change: Working-class men in the 'post-industrial economy. Ashgate (in press).

with K. Grint. *The Sociology of Work. 4th edition, Polity Press (in press).*

«I can't put a Smiley Face on»: Working-class Masculinity, Emotional Labour and service work in the "new economy", *Gender, Work and Organization*, 16:3 (2009).

«I Just Like Working With My Hands»: Employment Aspirations and the Meaning of Work for Low-Skilled Unemployed Men in Britain's Service Economy», *Journal of Education and Work*, 19:2 (2006).

PhD по социологии, MA по прикладным социальным исследованиям (экономика) (Манчестерский университет). Старший преподаватель социологии, отделение теории коммуникации, социальных и психологических наук факультета здравоохранения и социальных наук, Университет Лидса. Научные интересы: рынок труда; стратегии поиска работы; ориентация на рынке труда; отношение к занятости и безработице низкоквалифицированных рабочих в ситуации постиндустриальной экономики.

Stefano Pelaggi

Стефано Пеладжи

stefano.pelaggi@uniroma1.it

MA in Sociology (La Sapienza). PhD candidate in History at La Sapienza University of Rome. Earned a Master Degree in Sociology at La Sapienza. In the last 10 years he worked as assistant professor at various universities.

Scientific interests: globalization; global history; global studies; asian studies; food studies; mass tourism.

L'altra Italia. Emigrazione storica e mobilità giovanile a confronto. Edizioni Nuova Cultura, 2011.

MA по социологии. Аспирант (PhD по истории) Римского университета Ла Сапиенца. В течение последних 10 лет преподавал в нескольких университетах.

Научные интересы: глобализация; глобальная история; глобалистика; исследования Азии; исследования еды и пищевых практик; массовый туризм.

Oleksiy Popov

Алексей Попов

popalex79@mail.ru, popov_alexey79@yahoo.de

PhD in History, specializes in the history of tourism. Associate Professor, Chair of Social Sciences, Crimean Economic Institute «V. Hetman Kiev National Economic University» (Simferopol, Ukraine).

Scientific interests: curative tourism; children tourism; organized vs. non-organized tourism.

Кандидат исторических наук, специалист по истории туризма. Кандидатская диссертация «Развитие туризма и экскурсионного дела в Крыму (1923-1941 гг.)» защищена в Харьковском национальном университете им. В. Н. Каразина в 2004 г. Доцент кафедры общественных наук Крымского экономического института ГВУЗ «Киевский национальный экономический университет им. В. Гетьмана».

Научные интересы: лечебный туризм; детский туризм; организованный и неорганизованный туризм.

«Зарубежные круизы для советских туристов: из истории транспортного туризма в СССР», Современные проблемы сервиса и туризма, 1 (2010).

«Повседневная история советского общества 1960-1980-х гг. через призму туристских практик», Вестник Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Серия «История», 43 (2011).

«Блеск и нищета "Всесоюзной Здравницы"», Родина, 5 (2012).

«"Мы ищем то, чего не теряли": советские "дикари" в поисках места под солнцем», Ab Imperio, 2 (2012).

«Туристские связи СССР–ГДР: "технологии дружбы" и "идеологический конвейер"?», Гілея (науковий вісник), 68 (2013).

Maria Rikityanskaya

Мария Рикитянская

maria.rikityanskaya@gmail.com

MA in Cultural Projects (2013, HSE). Member of research group «Labour, knowledge and leisure in postindustrial societies» (supervised by M. Maiatsky).

Scientific interests: sociology of leisure; history of Soviet everyday life; theory and history of sports.

Магистр культурологии (2013, НИУ ВШЭ). Участник научно-учебной группы «Труд, знание, досуг в постиндустриальном обществе».

Научные интересы: социология досуга; история советской повседневности; история и теория спорта.

«Советский спорт и политика рекорда». И. Глуценко, Б. Кагарлицкий, В. Куренной (под ред.), СССР: жизнь после смерти. М.: НИУ ВШЭ, 2012.

«Глобус в джинсах», Теория моды, 20 (2011).

Dmitry Rogozin

Дмитрий Рогозин

nizgor@gmail.com

PhD in Sociology (2002), MA in Economy (1994) and in Sociology (2000). Senior Research Fellow at Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. Lecturer at different universities. Methodical director in MarketUP marketing agency. President of the Centre for Federative Research Methodology of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Scientific interests: methodology of social research; methods of polling; religious identity; ageing; political sociology; sociological modelling; cinema as social phenomenon.

«Family citizenship of young people in the North Caucasus», Russian Politics and Law, 46:3 (2008).

Кандидат социологических наук (2002), специалист в методологии социальных обследований. Высшее экономическое (1994, Красноярский ГУ) и социологическое (2000, МВШСЭН) образование. Старший научный сотрудник Института социологии РАН. Преподавал в ряде вузов. Методический директор маркетингового агентства MarketUP. Руководитель Центра методологии федеративных исследований Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС при Президенте РФ.

Научные интересы: методология социологического исследования; методология опросов; религиозная идентичность; старение и межпоколенческие отношения; социологическое моделирование; кино как социальный феномен.

«Оценка погружения в кинопросмотр: "Добро пожаловать в Зомбиленд" (Рубен Флейшер, 2009)», Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 5 (2011).

«В поисках уральской интеллигенции». В. Куренной (под ред.), Мыслящая Россия: Интеллектуально-активная группа. М.: Некоммерческий фонд «Наследие Евразии», 2009.

«Образовательные услуги и индикаторы их качества», Отечественные записки, 49:4 (2012).

Alexander Suvalko

Александр Сувалко

suvalko@gmail.com

Lecturer, Faculty of Design (HSE, Moscow). Member of the research group «Labour, knowledge and leisure in postindustrial societies».

Scientific interests: leisure in monotowns; experience society.

Преподаватель факультета дизайна (НИУ ВШЭ). Член научно-учебной группы «Труд, знание и досуг в постиндустриальном обществе».

Научные интересы: досуг в моногородах; общество переживаний.

Эмоциональный капитализм: коммерциализация чувств. Препринт. Высшая школа экономики. Серия WP20 «Философия и исследования культуры», 2013.

Zinaida Vasilyeva

Зинаида Васильева

zvasilyeva@gmail.com

MA in History (2004, St. Petersburg State University) and in Cultural Anthropology (2006, European University at St. Petersburg, Russia). PhD candidate, Institute for Social Anthropology, University of Neuchâtel, Switzerland. Executive director of the European University at St. Petersburg project «Russian computer scientists at home and abroad».

Scientific interests: anthropology of objects and technologies; Science and Technologies Studies; anthropology of knowledge; anthropology of everyday life; post-socialism; subjectivity under the USSR; Oral History.

«Video-Mediated Communicative Interaction: An Overview», Forum for Anthropology and Culture, 7 (2013).

«Do-it-yourself practices and technical knowledge in late Soviet and Post-Soviet Russia», Tsantsa, 17 (2012).

Магистр истории (2004, СПбГУ) и культурной антропологии (2006, Европейский университет в Санкт-Петербурге). Аспирантка (PhD) Института этнологии Нёвшательского университета, Швейцария. Исполнительный директор проекта «Russian computer scientists at home and abroad» Центра исследований науки и технологий Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Научные интересы: антропология знаний и технологий; антропология вещей; антропология повседневности; постсоциализм; история позднего СССР; техническое знание в СССР; устная история; социолингвистика.

«1960-е и развитие массовой культуры: заметки о советском варианте модерности», Ab Imperio, 1 (2013).

«Сообщество ТРИЗ: логика и этика советского изобретателя», Этнографическое обозрение, 3 (2012).

Jean Viard

Жан Виар

jean.viard@wanadoo.fr

Docteur en sociologie, MA en économie. Directeur de recherche au CNRS et au Centre de recherches politiques de Sciences Politiques. Auteur des études innovantes, son expertise est très présente dans la vie politique de la ville et région de Marseille, ainsi que sur le plan national (Conseil national du tourisme, Parti socialiste, etc.).

Intérêts scientifiques: opinion publique; extrême droite; régionalisme; sociologie de l'agriculture; écologie.

PhD in Sociology, MA in Economy. Senior scholar at CNRS and at the Centre of political research of Science Po. Specialist and author of pioneering researches, he offers his expertise to the city and region of Marseille, as well as on the national level (National council of tourism, Socialist Party, etc.).

Scientific interests: public opinion; extreme-right; regionalism; sociology of agriculture; ecology.

Penser les vacances. Arles: Actes Sud, 1984.

éd., Réinventer les vacances. Paris: La Documentation Française, 1998.

Court traité sur les vacances, les voyages et l'hospitalité des lieux. La Tour d'Aigues: L'Aube, 2000.

éd., La France des temps libres et des vacances. La Tour d'Aigues: L'Aube, 2002.

Le sacre du temps libre, la société des 35 heures. La Tour d'Aigues: L'Aube, 2002.

et al. Repenser les temps. La Tour d'Aigues: L'Aube, 2003.

Éloge de la mobilité, essai sur le capital temps libre et la valeur travail. La Tour d'Aigues: L'Aube, 2006.

Доктор социологии, магистр экономики. Старший научный сотрудник Национального центра научных исследований и Центра политических исследований при Sciences Po. Автор новаторских работ, он многократно оказывал экспертное содействие как на городском (Марсель) и региональном, так и национальном уровне (Национальный совет по туризму, Социалистическая партия и др.).

Alina Volynskaya

Алина Волынская

agvolynskaya@gmail.com

MA in Cultural Studies (2013, HSE), postgraduate student at Moscow State University. Lecturer at the Department of Cultural Studies (HSE).

Research fellow at Moscow Institute for Social and Cultural Programs. Member of the research group «Labour, knowledge and leisure in postindustrial societies».

Scientific interests: aesthetic dimension of labour and leisure; mass culture; contemporary consumption practices.

Магистр культурологии (2013, НИУ ВШЭ), аспирантка МГУ. Преподаватель отделения культурологии НИУ ВШЭ, научный сотрудник Московского института социально-культурных программ. Член научно-учебной группы «Труд, знание, досуг в постиндустриальном обществе».

Научные интересы: эстетическое измерение труда и досуга; массовая культура; современные практики потребления.

«Цирк и политика в СССР (на примере "Уголка Дурова")», Культурная политика в СССР. М.: ИД ВШЭ, 2013 (в печати).

«Новые экзистенциальные штудии: все-тлен, или будущее зависит от тебя», Рабкор, 4.04.2013 [<http://rabkor.ru/culture/net/2013/04/04/vsetlen>]

«Социология праздника», Нескучный сад, 84 (2013).

Anna Zudina

Анна Зудина

azudina@hse.ru

MA in Sociology (2010, HSE). Postgraduate student at HSE. Junior Research Fellow, CLMS – Centre for Labour Market Studies, HSE.

Scientific interests: sociology of work and employment; labour economics; poverty attribution; conspicuous consumption, sociology of cinema and fashion.

«Do Informal Workers Make An Underclass? An Analysis Of Subjective Social Status», Working papers by NRU Higher School of Economics. Series SOC Sociology, 24/SOC (2013).

Магистр социологии (2010, НИУ ВШЭ). Аспирантка НИУ ВШЭ. Младший научный сотрудник Центра трудовых исследований НИУ ВШЭ.

Научные интересы: социология и экономика труда; социология бедности; субъективный социальный статус; демонстративное потребление; социология кино и моды.

«Неформальная занятость и субъективный социальный статус: пример России», Экономическая социология, 14:3 (2013).

«Формальные и неформальные работники на российском рынке труда: сравнительный анализ самооценок социального статуса», Мир России: социология, этнология, 22:4 (2013).